

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

**Санкт-Петербург
2018 г.**

Роль государства в условиях научно-технического развития /
Тематический выпуск / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. –
95 с.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Тематический выпуск

Подписано в печать: 27.11.2018.
Тираж 1000 экз. 95 с.
Заказ № 26500455

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

Санкт-Петербург
2018 г.

Роль государства в условиях научно-технического развития / Тематический выпуск / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 95 с.

совсем нищих, стран нищих. Есть абсолютно безразличные слои общества, которым всё все равно. Есть люди, которые просто не понимают, как они живут. Есть – разные люди. И есть, я бы слово такое ругательное применил – «элита». Мыслительная элита человечества должна выработать эти критерии и должна дать из своей среды людей, которые их смогут реализовать. Если мы сумеем пройти этот революционный этап таким путем, то есть шансы на НИО.2. Если нет, то история начнется с начала.

АВБ. Я не помню, кто сказал, Эйнштейн, что ли: «Я не знаю, какой будет третья мировая война, но четвертая будет вестись...»

СДБ. Каменными топорами. И роль государства сейчас – как созданного человечеством института благополучного разрешения таких ситуаций – важна как никогда.

АВБ. Да, «топорами каменными». Совершенно верно. Да не будет так. Спасибо!

ISBN 978-5-00020-059-9

ISBN 978-5-00020-059-9

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2018

техноспецов, крылатое выражение: сегодняшние проблемы – это результат вчерашних технологических достижений. А сегодня ведь какие технологии? Сверхмощные. Знаниеемкие. Иногда говорят – цифровые, информационно-насыщенные (я, кстати, полагаю удобным определением информации как структуризованного знания (в биты, байты, файлы, слова, книги...); знаниеемкость в физической реализации и есть в некотором роде информнасыщенность). Короче, очень весомые. И если их применять при разрешении противоречий как военные... Война, понимаете, это крайнее средство разрешения противоречий. А когда – крайнее, хватается человек за крайнее, не думая особенно ни о чем. Состояние фактически аффекта. Аффект – это отключение мысли, отключение порога применения. В состоянии аффекта, недавно смотрел по телевизору, супруга зарубила мужа за то, что он пришел пьяный. Состояние аффекта – да, она схватила топор и ударила его по шее. В состоянии «неаффекта» разве бы она так поступила? Даже если он пьет и не просыхает. Наверное, нет. И топор выступил орудием, реализацией этой идеи аффективной. Сегодня – атомное оружие, сегодня – технологии, которые позволяют уничтожить полмира, а то и весь мир – они сегодня уже в руках людей. Людей каких? Людей-политиков, которые отражают определенные интересы, интересы, как правило, мало связанные в этом плане с общим движением развития человечества. И мало внимающие специалистам. Потому что все эти интересы направлены на защиту экономического общества. Помноженного на интересы «финансового капитала» с его в нынешних условиях преобладающей негативной компонентой. Если бы люди думали не об этом, а о другом, о том, чтобы вложить эти деньги в развитие технологий, не военных технологий, а технологий, позволяющих людям лучше жить... Помните – «не отдадим наших завоеваний, а сделаем ... новое завоевание!» Другая должна быть идея. И эта идея – не только для нас, она – абсолютно общая. «В отдельно взятом государстве коммунизм построить нельзя». И в отдельно взятом государстве нельзя ту идею реализовать, ее можно только «навязать» по-хорошему всему человечеству в целом. В связи с этим грозное дыхание заключается в том, что человечество должно прийти к какому-то другому решению. А человечество стратифицировано сильно. У человечества есть «золотой миллиард», есть 5 миллиардов

Содержание

	Стр.
1. Введение.....	4
2. С.Д. Бодрунов. Модернизация общественных институтов: базовая антикризисная стратегия России.....	8
3. С.Д. Бодрунов. Модернизация российской экономики: от поддержки спроса к стимулированию предложения.....	18
4. С.Д. Бодрунов. Механизм формирования государственной политики реиндустриализации экономики.....	30
5. С.Д. Бодрунов. Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего.....	47
6. Стенограмма коллоквиума «Государство и революция» Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте 02.10.2018 г.	66

Введение

В настоящее время проблематика роли государства в экономическом и научно-техническом развитии существенно актуализировалась. Если рассматривать ситуацию в долгосрочной ретроспективе, то четко прослеживается определенная цикличность в доминировании тех или иных взглядов на эти вопросы, которая, кстати, присуща многим отраслям научного знания.

Довольно долго, на протяжении советского периода, а рамках господствовавшей в тот период в общественных науках методологии и теоретических концепций, за государством признавалась ведущая роль в регулировании всех социально-экономических процессов. Главным экономическим законом социализма признавался закон планомерного и пропорционального развития, в рамках которого именно государство признавалось разработчиком этих планов и ответственным за поддержание пропорций. Но и тогда наблюдались периодические отступления от этой «генеральной линии», примером которых являются косыгинские реформы.

Затем, с середины 1980-х гг. стали постепенно усиливать свое влияние, причем не только в теории, но и на практике, либеральные подходы и взгляды на роль государства. Именно в русле этой либеральной парадигмы, которая сегодня всё чаще именуется «рыночным фундаментализмом», проходили трансформационные реформы в России (и не только в России, но и во многих других бывших республиках СССР и социалистических странах) в постсоветский период. Несмотря на определенные положительные результаты этих реформ, связанные с раскрепощением предпринимательской инициативы, повышением уровня экономической свободы и др., общий итог их, на наш взгляд, оказался довольно удручающим. Среди негативных последствий – деиндустриализация, резкое падение уровня жизни населения, рост дифференциации его доходов и др.

Логичным в этой связи нам представляется то, что, начиная с первого десятилетия 21 века, «маятник качнулся в другую сторону». В общественно-политический дискурс вернулась риторика относительно необходимости возрождения государственного влияния на социально-экономические процессы, теоретические исследования все чаще направлены на выявление и конструирование

АВБ. История рассудит...

СДБ. Да, кто его знает.

АВБ. Сказать нельзя.

СДБ. Я в чем-то, может, соглашусь, в чем-то – нет.

АВБ. Иногда такая история происходит «назад», что лучше бы она не «судила».

СДБ. Да, но, когда мы все-таки какую-то платформу выстраиваем, которая до настоящего времени позволяет объяснить все, что происходит сейчас, объяснить непротиворечиво, тогда есть большая надежда, большая уверенность, что то, что дальше из этого вытекает, по крайней мере – на обозримое расстояние, это движение трендов, оно тоже будет более или менее верным.

Да, и есть еще один очень важный момент. История всегда имеет разные развилки, мы об этом тоже с вами говорили. Мы сегодня находимся на такой развилке. Почему сегодня революция? Именно сегодня? Важно понимать, что это – революция. Потому что революция всегда не только к улучшениям может вести, но и к разрушению. Это – развилка. Я всегда выступал за эволюцию. Потому что она позволяет осмыслить процессы и выстроить разумные какие-то, более или менее, тренды движения, решения по возникшему поводу. Революция, как правило, перетряхивает, сметает то, что не нужно, но «в процессе» может много снести и того, что нужно, а потом это нужно будет мучительно долго восстанавливать. И в этом смысле сегодняшнее состояние общества – это состояние революционной грозы. Потому что технологии уже, «низы», перефразирую, не могут жить по-старому, а «верхи» не хотят жить по-старому. Технологии – это низы, это база. База новой экономики. Она не может существовать по-старому, она уже другая. А надстройка верхняя, если называть марксистским термином, – она еще старая, и она уже не может этими всеми «низам» управлять по-старому.

АВБ. В данном случае, я...

СДБ. И что может быть? Может быть критическое накопление массы противоречий, которое может привести к взрыву, к войне. А сегодня технологии мощнейшие – значит, это страшная война. Ведь каждый новый этап техноразвития не только решает проблемы, но и новые создает. Вызовы. Знаете, есть такое у нас,

детализация, исходя из этой стратегической перспективы, ретроспективной детализации, она очень важна. Я думаю, это большое направление...

СДБ. Это просто. Понимаете, когда я изучаю сегодняшнее положение дел, я читаю множество обзоров, читаю множество разных домыслов и помыслов разных экономистов, философов, людей из сферы бизнеса, которые волей-неволей либо что-то подтверждают в моих мыслях, либо я что-то открываю для себя. В каком-то смысле открываю «себя», свое понимание ситуации. В 90% случаев я не нахожу прямых подтверждений этих самых мыслей, но нахожу косвенные. И вижу при этом множество верных наблюдений при неверных выводах. Знаете, когда человек говорит, извините, как собака, – все понимаю, сказать не могу, а если говорю, то получается «гав». Не то, что думал. Человек не осознает еще.

АВБ. Сейчас в этом положении, когда...

СДБ. Сейчас в этом положении, да. Уже лай всюю, а основного пути не особенно наблюдается, и разноголосица в этом хоре очень большая. Поэтому мне кажется важным понимать – есть глобальное направление развития, есть этапность, есть некие вещи, которые не позволяют идентифицировать напрямую какой-то этап с каким-то классическим концептуальным положением. Потому что историческое развитие не прямо, не линейно, не циклично, даже может быть – в чем-то циклично, в чем-то нециклично, в чем-то – отступление и так далее. Тоже надо это понимать. Если это все понимать на базе какой-то одной общей идеи, тогда становятся открытыми и понятными многие вещи и объединяются многие теории. Концентрируется в этих теориях то, что сегодня является действительно реальным отражением того объективного исторического процесса, который проходит в нашей цивилизации. Я далек от мысли считать, что эти мои идеи – истина в последней инстанции. Возможно, мои представления есть отражение других, более глубоких каких-то процессов. Не знаю. Если бы я поспорил об этом, к примеру, с моим давним интеллектуальным партнером ректором Духовной академии Московской, Владыкой Амвросием (он раньше многие годы Санкт-Петербургскую Духовную академию возглавлял), он бы сказал, что под этим всем промысел Божий, наверно. Я понимаю, что может быть, это глубже, чем то, что я предполагаю.

эффективных механизмов государственного интервенционизма, за которыми зачастую признается приоритет в регулировании (по сравнению с сугубо рыночными механизмами), было введено в правовой оборот ранее фактически исключенное из него понятие «промышленная политика» и т.д.

Естественно, что изменение трендов в осмыслении такого сложного и многопланового феномена, как взаимодействие государства и бизнеса, в том числе технологического и промышленного (уместно в этой связи упомянуть получившие популярность с конца 20 века «теории постиндустриального развития»), не происходит одномоментно. Институты, как известно, обладают довольно высоким уровнем инерции, это касается, в том числе, институтов государственного регулирования экономики, его правового и методического обеспечения, науки и образования, экспертизы и др. Тем не менее, тренд к возрастанию роли государства в обществе в целом и в экономике, в частности, на наш взгляд, сегодня несомненен. И мы, несмотря на все опасения негативных следствий его усиления, в целом его поддерживаем.

С чем связана такая позиция? Указанный тренд, на наш взгляд, имеет объективную природу, подтверждением этого является в том числе то, что проявляется он не только в России, но и во многих других странах, многие из которых обладают высоким уровнем развития и воспринимаются (позиционируются в общественном сознании) как страны с рыночной экономикой. Одна из основных причин этого, помимо отмеченной нами выше закономерной цикличности в общественных процессах и обществоведческом знании, это – начало очередной технологической революции; успех и лидерство в «завтрашнем» мире закладываются сегодня, и основаны они на высоком уровне научно-технологического и промышленного развития.

Сегодня, в период ускорения научно-технического прогресса, повсеместного перехода на инновационные модели роста, государство становится наиболее эффективным инструментом влияния на эти процессы. Это обусловлено его ресурсными возможностями, а главное – возможностями институциональными, связанными с конструированием среды, благоприятствующей развитию производственного, технологического, научно-образовательного и иных прогрессивных форм предпринимательства. Таким образом, в условиях изменяющейся

экономики и смены технологических укладов происходит (и не может не происходить) изменение роли государства, проявляется необходимость усиления его регулирующего влияния.

Здесь мы не беремся заглядывать в очень отдаленное будущее, будущее ноономическое, облик которого уже прорисовывается, а выявлению и описанию его свойств посвящен отдельный пласт исследовательских работ, подготовленных в последние годы коллективом Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте и лично его директором – профессором С.Д. Бодруновым. Но даже на тактическом горизонте планирования и прогнозирования изменения в соотношении государства и «свободного рынка» уже нельзя не учитывать, настолько они становятся существенными и предопределяющими для будущих траекторий развития.

Следует заметить, что интересы государства и бизнеса, особенно в сфере стимулирования и регулирования научно-технического и промышленного развития, всегда были в центре внимания ИНИР им. С.Ю. Витте и возглавляющего его профессора С.Д. Бодрунова. В этой связи, на протяжении последних лет по этой проблематике был проведен ряд масштабных исследований, по материалам которых регулярно выпускались публикации и проводились экспертные сессии на различных по масштабу научных конференциях, форумах и семинарах, как в России, так и за рубежом.

В данном сборнике представлены статьи и выдержки из статей, касающихся рассматриваемой проблематики, подготовленные в различные периоды времени (с 2009 по 2018 гг.). Использование хронологического принципа в формировании данного сборника нам представляется очень важным, т.к. позволяет не только охватить рассматриваемую проблему с различных сторон, но, что более важно, выявить динамику эволюции подходов к оценке роли государства, оценить изменение соответствующих взглядов в историческом контексте.

В предлагаемых вниманию читателя материалах рассматриваются такие важные для понимания рассматриваемой проблематики темы, как модернизация институтов регулирования в России в период преодоления мирового кризиса 2008 г. (заметим, что в условиях весьма слабой экономической динамики в современной России эти взгляды актуальны и сегодня); разработка и

госуправления решения в целях более тонкой и точной настройки механизма под названием «государство» на адекватное решение возникающих изменяющихся задач. В том числе – в сфере развивающихся экономико-общественных отношений.

АВБ. Вообще экономическо-общественные отношения продуцируются, исходя из некоторого реального процесса, который виден уже сегодня. Это не фантазия. Про экономику и общество – может быть, это пока не происходит, но в технологиях это уже начало происходить.

СДБ. Нет. Уточню. Вы знаете, оно происходит на протяжении тысяч лет – и в экономике, и в обществе. Согласитесь, что технологии, которые требовали мускульной силы, порождали рабское общество, потому что нужны были мускулы. А технологии, которые позволили заменить мускульную силу, отбросили рабство как ненужный институт.

АВБ. Да. В данном случае, в таком контексте мы с Вами соглашаемся с классической идеей о силах производственных отношений, взаимодействие которых подчинено неким объективным законам.

СДБ. Да. В определенной мере.

АВБ. И, Сергей Дмитриевич, не знаю, как Вам, но мне кажется очень важным то, что вы сейчас из этой далекой стратегической перспективы ретроспективно начали смотреть на те процессы, которые происходят сейчас, но через призму движения в будущее.

СДБ. Естественно. Как говорит товарищ классик, что если ты дорогу не понимаешь, то будешь спотыкаться на каждом шагу.

АВБ. На каждом шагу.

СДБ. Но, с другой стороны, если ты эти только буераки будешь видеть, на них концентрировать внимание, то не увидишь дорогу. Но и дорогу не осилить, не уделяя внимания буеракам...

АВБ. Не видеть буераков тоже нельзя, потому что расшибешь лоб, не сделав и первых шагов.

СДБ. Да.

АВБ. Совершенно верно. Поэтому мне кажется, это направление исследования, когда Вы ретроспективно стали смотреть на финансовый капитал, а сейчас мы начали и тему государства, я думаю, тут много что можно будет продолжить – и какая-то

технологических укладов) приводит еще и к качественному изменению характера их использования. И к изменениям в обществе. И его институтов. К примеру, нынешний этап развития технологий с неизбежностью подводит к мысли о губительности т. н. демократии (в понимаемом в основном в охлократическом смысле) как способе отправления государством своих функций без внедрения в процессы управления (все-таки «управление» – от слов «право», «правильно», и будет глупо принимать решение любых задач, к примеру математических или в физике, технике, науке, голосованием или простым большинством мнений!) определенных, я бы их так назвал, техно-меритократических практик. Которые получают с неизбежностью предельно широкое применение в новом индустриальном обществе второго поколения и которые вообще станут основой государства как института (при сохранении и даже развитии некоторых присущих демократии ценностей) в ноообществе. Это проистекает из простой истины – тот, кто владеет бо'льшим знанием, тот «управляет (более правильные, оптимальные решения принимает!) миром» – более осмысленно и продуктивно. Так было во все времена. В древности дикое племя кормило немощного старика – он лучше благодаря накопленному опыту-знанию знал, как поймать мамонта. Египетские жрецы были хранителями сакрального знания – и управляли на деле фараонами. Технократы-инженеры сегодня в реальности управляют технологическими гигантами и ставят – вполне успешно! – вопросы о присвоении себе значительной части результатов их работы (в виде многомиллионных зарплат) перед корпоративными (финансовыми!) владельцами этих компаний, и именно «спецы» уже преимущественно определяют пути развития продуктовых рядов, а по сути – рынков и т. п. И сейчас уже невозможно принимать решения и на уровне государств без глубокого изучения последствий решений. И чем дальше, тем это будет важнее – хотя бы в силу того, что открывающееся человеку знание становится все более широким и сложным. И развивающиеся технологии – все более могущественными – как в полезном, так и в разрушительном аспекте. Отсюда, в частности, необходимость широкого развития экспертного участия в госуправлении. И отсюда – должно быть не принижение, к примеру, роли Академии наук, а наоборот – к существенному возвышению ее влияния на принимаемые органами

имплементация инструментов стимулирования предложения (с акцентом на промышленную и научно-техническую продукцию) и проведения реиндустриализации, выработки соответствующей государственной политики; поддержка инновационного развития промышленности и научное обоснование императивов промышленной политики, в том числе перспективы ее трансформации с учетом возможности формирования ноопроизводства и мн. др.

Завершается сборник публикацией стенографических материалов, отражающих дискуссию на коллоквиуме ИНИР им. С.Ю. Витте, проведенном 02.10.2018 г. на тему «Государство и революция» (имеется в виду, конечно же, современная научно-техническая и технологическая революция). И такой вариант его завершения не случаен. Составители хотели подчеркнуть дискуссионный характер рассматриваемой проблематики, ее открытость для обсуждения. К нему мы и приглашаем всех заинтересованных читателей и полагаем, что его результаты найдут отражение в материалах будущих исследований.

В.А. Плотников, д.э.н., проф.

А.А. Золотарев, к.э.н.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Модернизация общественных институтов:
базовая антикризисная стратегия России*

Я согласился высказать несколько слов по поводу разработки антикризисной стратегии, поскольку волей судеб достаточно случайно поучаствовал в разработке и реализации антикризисных мероприятий Правительства Санкт-Петербурга.

Как уже известно, антикризисная программа Санкт-Петербурга получила первую премию Правительства России среди региональных антикризисных программ на соответствующем всероссийском конкурсе – как в отдельных номинациях, так и абсолютно. Правительство России впечатлили и сама программа, и ее реализация, о чем в конце октября сказал от имени Правительства России Министр регионального развития Басаргин, вручая диплом губернатору Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко.

Так что пришлось практически попробовать, что называется, «на зуб» многие аспекты этой проблемы – и теоретические, и практические. И поскольку в процессе этой работы появилось некое видение и причин возникших у нас проблем, и некоторых аспектов преодоления кризисных явлений в будущем, попытаюсь сейчас сформулировать несколько положений.

1. В целом я согласен с уважаемым академиком Н.Я. Петраковым в том, что, по большому счету, пока не просматривается серьезных подходов к созданию реальных механизмов, позволяющих формировать условия для модернизации экономики. Сегодня, с подачи Президента России Д.А. Медведева,

* Опубликовано в сборнике «Аэрокосмическое приборостроение России». Сер. 1. «Экономика авиаприборостроения». Вып. 9.: СПб., НААП. – 2009. – С. 5-16.

но индустриализация на новой технологической основе. Потом более широкий взгляд – это часть научно-технического прогресса и промышленной революции в целом. Промышленная революция нового поколения приводит к рождению нового индустриального общества по всем параметрам: экономика, социальная сфера, духовная сфера и так далее. Это общество закономерно приводит к постэкономическому типу бытия общественного – ноономике как типу удовлетворения потребностей и соответствующему нооустройству общества. И когда мы смотрим ретроспективно назад, выясняется, что финансовый капитал как доминирующая сила этому мешает, а мог бы быть мотиватором развития, если его поставить в определенные рамки. Но и государство получает тоже определенную площадку в этом процессе. Дальше начинается видение уже разных аспектов этого общего стратегического движения. И здесь много про что еще можно говорить.

СДБ. Знаете, там уже дальше мы вступаем в область определенной фантазии. Почему? Потому что, в моем понимании, моя база рассуждений основывается на чем? Она – как раз на том, что мы имеем в историческом процессе до сегодняшнего времени, и на базе того, каким образом могут развиваться эти тенденции, эти нынешние тенденции.

АВБ. Ваши концепции базируются на видении объективных процессов в сфере технологических изменений.

СДБ. Технологических, в дальнейшем экономических, в дальнейшем общественных отношений. Но я, в отличие от Т. Веблена и его последователей, не приверженец тривиального технократического детерминизма и «поверки технократической алгеброй» «гармонии» общественных отношений – да, я полагаю технологическое развитие базовым (точнее даже – ключевым, который невозможно «исключить»!) элементом всей динамики общественно-цивилизационной системы, но я исхожу, во-первых, из того, что технологии – это не нечто «самостоятельное», само по себе существующее, а производное, с одной стороны, творческого процесса человека в рамках поиска решения проблемы своих растущих потребностей и, далее, интересов, и, с другой стороны, они (технологии) есть не более чем способ преобразования одних вещей в другие, во-вторых, качественное преобразование технологий (к примеру, приводящих к формированию новых общественно-

СДБ. Да. Эта мысль на самом деле очень коррелирует с моим пониманием.

АВБ. Да, почему и говорю. И второе. Н. Яковлева, которая выступала на научной конференции в Пуле (Хорватия), буквально тоже носится с идеей бюрократизации, коммерциализации образования, потом у нее появилась идея национализации образования, и последнее, что она говорила, – образование транслирует финансиализацию как идеологию.

СДБ. Совершенно верно. Молодец. Правильно. Да, то, что я говорю. Знаете, идея носится в воздухе, что называется.

АВБ. И третье – то, что Вы сейчас сказали про этих ребят. Когда я был в Питере, там наши товарищи были, профессора-естественники. Кстати, про Абрамсона «Петербургские ведомости» написали, сделали очень хороший материал (ему больше 90 лет) о молодости в 90 лет. Недавно вышла эта статья.

СДБ. Серьезный, да.

АВБ. И, по-моему, он тоже говорил о том, что эти ребята выходят на площадь не потому, что им нечего есть, а потому что они «хотят рожна», хотят необыкновенного, хотят того, что они даже не знают, чего. Но они не понимают, что их превращают в марионеток. Так что это «рожна»...

СДБ. Они имеют внутренний протест против того, что им навязано, навязывает общество через материальную, через другую сферу.

АВБ. Важно, что у Вас это, в сегодняшнем нашем разговоре, все это ложится на материально-техническую базу современной технологической революции. И государство, и технологическая революция оказываются в основе объяснения очень многих сегодняшних процессов. Объяснений, которые действительно носят в воздухе, которые у Вас получают системное обоснование, я бы сказал, в таком случае.

СДБ. По крайней мере, с моей точки зрения, это очень похоже на правду.

АВБ. Ваша концепция (я все-таки скажу, в данном случае – концепция, направление научное) соединяет целый ряд подходов. То есть началось с технической революции – просто позволю себе именно для диктофона эту цепочку построить. Сначала даже первый взгляд – индустриализация как альтернатива деиндустриализации,

термины «инновации», «модернизация» стали популярными и даже расхожими. Кризис, больше других стран ударивший Россию в силу недиверсифицированности ее экономики и технологической отсталости ее промышленности, подвиг и общество, и наши власти к осознанию, что от слов давным-давно пора переходить к делу. Вопросы модернизации экономики как антикризисной стратегии поставлены в качестве задачи в Президентском послании. Недавно Президент создал и даже лично возглавил комиссию по модернизации и технологическому развитию, имея в виду в первую очередь развитие промышленности. Комиссия имеет фактически своей главной задачей, находящейся теперь под контролем Президента, осуществление технологического прорыва на ключевых направлениях в ближайшие десятилетия. Комиссией сегодня определены такие приоритеты, как энергосбережение и энергоэффективность, включая новые виды топлива и новые энергоисточники, примыкающие к этому направлению, но все же выделенные отдельно в силу своей специфики ядерные технологии, прикладные космические технологии типа ГЛОНАССа с развитием соответствующей наземной инфраструктуры, развитием медицинских технологий и биотехнологий и, наконец, развитие стратегических информационных технологий, как в направлении «железа» (суперкомпьютеров), так и в направлении софта.

К этому можно добавить еще очень и очень многие вещи. Не буду на этом акцентировать внимание, напомним лишь, что у нас в стране попытки взять и мощно что-то модернизировать предпринимались неоднократно. Бывали успехи, где мы достигали реального прорыва, – как, например, на первом этапе освоения космического пространства или в создании ядерной энергетики. Но чаще мы приходили к финишу позже многих других – таких примеров гораздо больше – вспомнить хотя бы пресловутую программу ускорения научно-технического прогресса, о которой многие подзабыли, но которая, напомним, преследовала цель достижения прорыва примерно в тех же сферах и областях, с учетом, конечно, исторического аспекта.

Для достижения результата, под которым мы понимаем модернизацию экономики, по моему глубокому убеждению, одних только высокотехнологических результатов в нескольких, пусть даже очень важных технологических областях, даже если они каким-то образом

будут достигнуты, очевидно, недостаточно. В математике есть четкая парадигма – для достижения некоей цели необходимо и достаточно соблюдение таких-то и таких-то условий. Подчеркну – необходимо и достаточно. Достижение упомянутых результатов в отдельных направлениях – это, конечно, условие необходимое, но не достаточное.

2. Я глубоко убежден, что для достижения реальной модернизации, во-первых, необходима комплексная, системная модернизация всей технологической базы, а не только отдельных упомянутых выше отраслей. Да, эти направления важны, но они практически полностью интегрированы с другими отраслями, без модернизации которых серьезного прорыва не получится и в этих отраслях. Например, о какой модернизации в информационных технологиях, или в телекоммуникациях, или в космических технологиях можно говорить без модернизации таких отраслей, как микроэлектроника, материаловедение и т.д. Только в случае комплексного решения вопроса мы можем добиться устойчивой технологической модернизации. Параллельно решению «прорывных» задач мы должны заниматься всей технологической базой, поднимая ее и подтягивая к уровню достижений «прорывных» отраслей, иначе успех в «прорывах» будет временным, и более отсталое «технологическое болото» быстро поглотит отдельные достижения. Вспомним хотя бы историю отношений советского ВПК и считавшихся всегда второстепенными гражданских отраслей. Во-вторых, нельзя рассматривать модернизацию в отрыве от ее институционального аспекта. Никакой глубокой, устойчивой и имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации не получится, если мы не изменим многие и многие базовые институции нашего общества. Никакие суперсовременные станки и оборудование не смогут работать без грамотных специалистов, инженеров, рабочих, управленцев. Новое поколение таких специалистов можно получить только при условии модернизации системы подготовки кадров – от школы до высшей школы и т.д. Никакие инвесторы не будут вкладываться в инновации без укрепления институтов собственности, права и механизмов их отправления. Никакая глубокая технологическая модернизация не приведет ни к каким прорывным результатам и без организационной перестройки, например, промышленности, создания современных

А на сегодняшний день в России, я бы сказал, не так. Да, в какой-то мере у нас прописано в Конституции «социальное государство», мы в бюджет какие-то средства закладываем в поддержку определенных категорий населения, которые работают с образованием, наукой и так далее. Поддерживаются, условно говоря, нерадикальная религия, какие-то вещи, человек, духовная сфера человека. Но в то же время главная, экономическая сфера подчинена фактически полностью финансовому капиталу, что не может не отражаться и на духовной сфере. Поэтому – сколько ни говори «рахат-лукум», а все равно кругом вылезает уши верблюда. Можно говорить, сколько угодно проповедовать хорошие ценности, воспитывать детей и прочее, но когда окружающий мир через материальную часть требует другого, плюс еще навязанная ситуация извне через пропаганду соответствующую – возникает когнитивный диссонанс, даже не когнитивный, а духовный, внутренний диссонанс. То есть внутреннее ощущение человека, требование свободы, требование ощутить себя возможным удовлетворить свои потребности, тех, которые выше, чем материальные, приводит к тому, что человек становится дисс-ориентирован, «дорога раздвоится». Отсюда, на мой взгляд, выход молодежи, которой 15 лет, на площади. Им что, не хватает штанов, или телевизоров, или чего? Им всего хватает. Но они протестуют, не понимая, против чего. Они протестуют против того, что их внутреннее ощущение, пока они не зашорены, не запропагандированы, не замазаны этой жизнью, так сказать, внутреннее ощущение их – что необходима другая свобода, необходимы другие решения. Они требуют изменения государства. Они придут и будут его менять.

АВБ. Это очень точно. Вы знаете, я сейчас, когда Вас слушал, вспомнил три похожих тезиса, которые звучат с разных сторон. Один тезис: лет 20 уже назад, нет, наверное, 15, у меня была такая ученица Ирада Левина. Она уехала в Штаты, сейчас работает в Англии. Писала серию работ о соотношении финансового сектора и вопросов экономики, публиковала, она была студенткой 5-го курса.

СДБ. Во-первых, тема такая серьезная.

АВБ. И она очень серьезным была исследователем. У нее возникла идея о том, что финансиализация (тогда это так не называли, доминирование финансового сектора) приводит к рождению «хомо финансов» – человека финансов.

радикальные случаи «использования» государства.

Но главное – в другом.

Роль государства, усиление роли государства должно быть в том, чтобы воспитать, «правильно» воспитать людей в соответствии с теми позициями, которые выработало общество в качестве своих главных ценностей: человечность, доброта, разумность, рациональность поведения, учет интересов других людей и многие другие вещи, которые сегодня в целом социум сформировал как некие ценности. Тут же можно спорить или не спорить о демократии, свободе духа и так далее, но это тоже относится к категориям, которые общество определяет как некие ценности.

Эти ценности, поскольку они являются преобладающими, должны быть (способствуют они, содействуют движению научно-технического прогресса!), на мой взгляд, поддержаны государством. И поддержаны государством тоже через свои институты, например образование, воздействие на медийную сферу и прочее. То же ограничение этого самого финансового капитала: обратная сторона этого – это изменение медийного воздействия, в частности, изменение образовательного процесса и так далее и тому подобное. Потому что финансиализация, коммерциализация образования вслед идет. Коммерциализация образования, начетничество, далее – отключение от творческого процесса и в конце концов – послушный робот.

Это цель финансового капитала – создание общества потребителей. Мы тебе впишем, найдем, где произвести, а ты потребляй. Это очень похоже на то, что в «Мертвом сезоне» (был в свое время такой кинофильм) предлагал через определенный газ доктор Хасс. Вот человек счастлив, ему дали вечером суп похлепать, у него есть женщина, все потребности его ограничены этим – удовлетворены. То есть газ отрубал другую часть потребностей. Таким способом такой дикий газ сегодня предлагает финансовый капитал. Этот газ к нам приходит в каждый дом через телевизор, через интернет, через что-то еще. В котором преобладающая «экономическая» зооидеология, навязанная человеку, – работает. Вот здесь государство должно выступить в качестве противоядия этому газу, противодействия, если это государство реально отражает интересы общества, которое завязано на ценности, о которых я говорил. Если это не так – плохо.

систем промышленной интеграции, диверсификации, т.е. без, я бы так сказал, организационной модернизации. Продолжать можно еще и еще, но, думаю, необходимости нет, моя мысль и так понятна.

3. И здесь возникает вопрос: если с базовыми направлениями технологической модернизации, так сказать, трендами все как-то более-менее ясно, то с модернизацией институциональной особой ясности нет.

Что я имею в виду? Модернизация институциональная очень сильно зависит от общей концепции развития общества. Вопрос состоит в том, куда мы должны двигаться, в сторону какого общества, какого государства?

По большому счету, в обществе сосуществуют, да и всегда сосуществовали, две модели отношений его членов – контроль либо партнерство. Преобладание той или иной компоненты всегда определяло лицо соответствующего общественного образования. Каждый из нас, пожалуй, может привести примеры и того, и другого рода. История показывает, что на исторически более длинных промежутках партнерская модель дает обществу возможность развиваться устойчиво, поскольку она наиболее полно учитывает различные общественные интересы. В то же время в относительно короткие исторические периоды может представляться более эффективной модель государства-сверхкорпорации, где преобладающими являются интересы государства как института. Соответственно, институты такого государства нацелены на защиту интересов государства и преумножение богатства государства, а идеология его базируется на долге каждого гражданина перед государством. Такая модель позволяет в определенный момент мобилизовать ресурсы на достижение «прорывных» задач, но на экономические стимулы она реагирует значительно менее эффективно, чем партнерская модель. Экономика корпоративного государства формируется вокруг его естественных конкурентных преимуществ. В роли таких преимуществ могут выступать выгодное географическое положение, богатые недра и т.п. Это – главные ресурсы такого государства. Как правило, высокая доходность эксплуатации естественных ресурсов депрессивно влияет на развитие других отраслей экономики. История приводила множество примеров, когда все иные ресурсы общества – капиталы, лучшие умы и руки и т.д. – концентрируются в таких областях. В результате

страна становится уязвимой для рыночной конъюнктуры. Сегодня мы наблюдаем это в полной мере в нашей стране. Корпоративное общество всегда расслаивается на группы, одна из которых контролирует ресурс, другая обслуживает этот контроль, а третья – отстранена в реальной жизни от ресурса. Это ведет к сильнейшему расслоению общества, деградации элиты, массовой и неискоренимой коррупции и, в конечном счете, к финальной неэффективности экономики, а то и к ее распаду. И технологическая модернизация, поскольку обладание передовыми технологиями – это тоже ресурс, не приводит в этой ситуации к желанному результату.

Экономика партнерства, напротив, базируется на развитии своего главного средства производства – человеческого ресурса. Свободные руки и головы отличаются принципиально от базового ресурса корпоративного государства, поскольку они не монополизуются. В партнерском обществе они – главный источник общественного богатства. Отсюда – более высокая и осознанная активность граждан в общественной жизни и в экономике, отсюда – и более высокая эффективность управляющих структур общества.

Трансформация государства-сверхкорпорации в партнерское общество предельно сложна, но, очевидно, необходима. Россия за свою историю неоднократно переживала ресурсные взлеты, заканчивающиеся, как правило, очередным экономическим крахом. Что будет с очередным циклом, мы можем увидеть в ближайшие десятилетия, когда новые технологии обрушат, например, цены на нефть и газ. И ни какие-то отдельные инновации, ни какие-то отдельные технологические прорывы без комплексной модернизации экономики в рамках соответствующей «партнерской» модернизации общества с соответствующей модернизацией его институтов нам могут не помочь.

4. Если и как только мы это осознаем, мы приходим к любимому российскому вопросу – что делать?

Учитывая конституционную конструкцию нашего государства и менталитет нашего общества, модернизацию надо ввести, как представляется, во-первых, на трех уровнях – федеральном, региональном, и муниципальном, и, во-вторых, поэтапно, причем эти этапы должны быть, конечно, не программой «шестьсот дней», а длительным и целенаправленно управляемым процессом.

АВБ. Одно тормозит, другое ускоряет государственное воздействие.

СДБ. Воздействие, да. С другой стороны, есть одна проблема, которую нужно тоже решать и которая требует усиления роли государства сегодня. Проблема, которая тоже проистекает из научно-технического прогресса. С одной стороны, научно-технический прогресс (тоже две стороны имеет!) дает мощнейшие возможности для удовлетворения потребностей людей. Хотя потребности на самом деле могут быть и дикие, и еще не сформированные. Это – одна часть этой проблемы. Другая сторона – государство должно...

АВБ. Секунду. Получается, что государство может включаться в процесс регулирования потребностей? Или это будет преувеличением?

СДБ. В процесс регулирования потребностей, если тупо – наверное, это будет преувеличение. Вплоть до абсурда. Как у В. Войновича – «кто сдает продукт вторичный, тот питается отлично...». Но – да, как процесс недопущения к неразумному, нерациональному использованию технологий. Что сегодня делаем в Сирии? Бомбим террористов. Потому что они, используя современные технологии, пытаются какие-то вещи делать, которые не соответствуют общим представлениям общества о...

АВБ. Общественным интересам в целом.

СДБ. Смотря каким, большей части общества, скажем так. У них тоже общество, только свое.

АВБ. В любом случае да, и можно сказать человечества, наверное.

СДБ. Человечество опять. Что такое человечество?

АВБ. Хорошо, Вы правы. Давайте Вашу формулировку.

СДБ. Вы знаете, если бы большинство людей считало, что этот радикально-ваххабистский ислам – самое лучшее устройство общества людей, может быть, поверьте мне, никакого противодействия этим террористам серьезного бы не было. Все бы быстро приняли это все дело и начали бы «развиваться» в этом ключе. Но поскольку люди по-другому осознают все, свой мир, большинство людей, то они тех людей приводят в чувство – через институты государственного предъявления требований, например, через военное принуждение, и так далее и тому подобное, хотя это –

в этом деле быстрее, может, наоборот, создавать институты, поддерживающие так или иначе движение по тому пути, который указывает научно-технический прогресс в своей позитивной части, предугадывая изменения в обществе, и так далее, формируя соответствующие институты быстрее, чем просто инерционно или с задержкой. Таким образом, государство может играть очень большую роль на революционном этапе. Идея анархистов о том, что «давайте упраздним государство» и будем жить сами по себе – она абсолютно точно неприемлема в революции. Государство должно играть определенную роль, и большую роль, может быть. Причем – большая роль может быть как отрицательная, так и положительная по отношению к объективному тренду развития общества. Другое дело, что в целом вторая сторона, снижение роли государства как экономического и политического регулятора, будет происходить – в глобальном, независимо от этих всех флюктуаций, колебаний.

АВБ. Хорошо. Я просто хотел, чтобы таким постскриптумом к этой стратегической постановке были, может быть, некоторые тактические зарисовки, касающиеся ближайшего исторического этапа, когда рождается даже еще не ноономика, а рождаются экономика НИО.2 и новое индустриальное общество второго поколения. Вот на этом этапе, перехода к НИО.2, он должен предполагать некоторые включения – больше государства в экономику или...

СДБ. Регулирование экономики или меньше государства в экономике?

АВБ. Да, такая довольно традиционная старая дилемма. И если больше, то в чем, если меньше – то почему. Может быть, какой-то комментарий.

СДБ. Как бы вторая часть моего рассуждения, она о чем? Государство – многослойная штука. Значит, государство должно, на мой взгляд сейчас, если мы говорим о разумном устройении, дестимулировать те вещи, которые позволяют сохранить старое, негативное. В частности, это гиперразвитие финансового капитала, поглощающего реальный сектор экономики, влияющего негативно на сознание людей. Другие подобные вещи. И государство должно стимулировать развитие тех институтов, которые соответствуют позитивному дискурсу, к примеру, позволяют двигаться по пути нового индустриального развития.

Наверное, не вопрос сегодняшней дискуссии – подробный анализ возможных механизмов реализации этого процесса. И все же, в качестве пусть небольшого, но, по моему мнению, показательного примера я бы в двух словах сказал о том, что сейчас реализуется в этом направлении в Санкт-Петербурге.

Пока экономика города бурно росла – до осени прошлого года – никакой особой нужды в консенсусе и, тем более, привлечении общественных структур к разработке и реализации планов развития городские власти не испытывали. Однако грянувший кризис потребовал принятия каких-то, как сказала губернатор города, радикальных мер по управлению городской экономикой. Одной из таких мер, как я понимаю, стало передача «руля» городской экономики представителю научно-промышленного комплекса в лице вашего покорного слуги и привлечения научной, промышленной и предпринимательской общественности к выработке и реализации антикризисных мер. Конечно, как я уже в начале своего выступления говорил, мы сумели и план достаточно системный сделать, и реализацию его обеспечить таким образом, что кризисный обвал был в течение двух-трех месяцев полностью остановлен, а социально-экономические параметры экономики Санкт-Петербурга в основных своих позициях не только выглядят лучше, чем соответствующие параметры практически всех регионов России, но и по самым важным – уровню доходов населения и некоторым другим – мы сохранили позиции не хуже 2008 года. Однако главное, конечно, не в этом. Точнее, я бы сказал, не столько в этом, сколько в том, что, воспользовавшись представившейся возможностью Комитет экономического развития Правительства Санкт-Петербурга провел ряд, я бы сказал, локальных реформ именно в направлении модернизации наших механизмов управления в сторону развития и закрепления партнерских отношений между бизнесом, населением и властью. Конечно, как в свое время говорили, «построить коммунизм в отдельно взятом регионе невозможно», и мы это хорошо осознаем. Но все же многие вещи на региональном уровне можно сделать, и они будут работать. Что, в частности, сделали мы?

Ну, например. Один из важнейших инструментов развития города – это городские целевые программы. До лета этого года они разрабатывались отраслевыми комитетами, коррелировались между собой слабо, зачастую дублировали друг друга, а во многих случаях

– не были и финансово достоверными. Не закладывались четкие механизмы оценки достижения результатов программы, деятельности исполнителей программы и т.д. С лета этого года постановлением городского Правительства введен разработанный нами совершенно иной порядок формирования этих программ. Во-первых, их количество будет сокращено с полутора сотен до нескольких десятков, они будут укрупнены и станут более комплексными. Во-вторых, каждая программа будет содержать концептуальную часть с четким описанием, вплоть до цифр, целей и задач программы, механизмов и этапов их реализации и т.д. Но самое главное не в этом. Главное – это то, что прежде, чем программа от комитета-разработчика будет передана на утверждение в Правительство города, она должна пройти утверждение во вновь созданной Межведомственной комиссии при Комитете экономического развития, в состав которой включены не только руководители и специалисты экономического блока Правительства, но и представители профильных профессиональных ассоциаций. Таким же образом, через Комиссию, будет проводиться комплексный контроль всех этапов, а также финальных результатов исполнения программы. При этом, в соответствии с регламентом Правительства Санкт-Петербурга результаты программ будут рассматриваться Правительством только при наличии решений Межведомственной комиссии. Т.е. создано, условно говоря, одно горлышко, и оно – прозрачное, в нем участвует нечиновная часть общества.

Сопrotивление принятию этого документа, как вы понимаете, было очень мощным – мы многим любителям «по-тихому» «поупотреблять» бюджетные средства «наступили на хвост». Ну, а когда механизм заработал, – сопротивление еще больше возросло. Были даже попытки предложить Губернатору под разными предлогами восстановить старый порядок либо «смягчить» этот документ, вывести процесс формирования и реализации программ из поля зрения общественности. Пока попытки эти успехом не увенчались, а результаты определенные есть. МВК отклонила после проведенной ею независимых экспертиз только за III квартал четыре проекта целевых программ, а предназначенные к расходованию средства пошли на финансирование других программ, концепции которых учитывали требования Комиссии и были утверждены.

когда-то это исследовали, разговаривали об этом. На определенных этапах возможны разные флюктуации. И они с «близкого» исторического расстояния не слишком видны. Хотя идет непрерывное обновление. Но, как сказал Уильям Гибсон, фантаст американский, в своем романе «Некромант» – «будущее уже наступило, просто оно неравномерно распределено». Однако – кое-что все-таки неплохо просматривается. Если говорить о трендах – тренды я обозначил. Но то, что на разных исторических этапах может быть и усиление роли государства в отношении экономики, и снижение роли государства быстрее, чем «сжатие» экономики, чем снижается роль экономики в обществе, – это может происходить. На сегодняшнем революционном этапе роль государства очень важна. Я только что сказал, почему.

АВБ. Революционном научно-техническом...

СДБ. Научно-техническом, да. Но я могу сказать, что этот революционный путь – в общем – отразится и на обществе так или иначе. Общество изменится. Оно поменяется в сторону открытости больше. Оно поменяется в сторону изменения «качества» конфликтности, несмотря на общее снижение конфликтности развития. При возможном временном ее всплеске. Повышение конфликтности возможно почему? Потому что слом всегда порождает сопротивление. Стену ломаешь – сопротивляется сила сопряжения. Поэтому в этом плане здесь может быть важна роль государства в части «целенаправленности» и/или «синхронизации» слома. Если, например, государство отражает интересы определенных групп людей, которые готовы сохранять то, что есть, и не готовы подчиняться требованиям и вызовам научно-технического и экономического прогресса (потому что им это экономически невыгодно, хотя это, может быть, по их «духу» могло им быть более близким, чем экономические вещи, но – экономика-то превалирует!), значит, в этом случае государство может стать тормозом и усиливать свое давление: создавать законы, препятствия и так далее, тормозить развитие общества в плане том, которое должно отразить научно-технический прогресс, позитивное отражение на общество. А может быть – наоборот. Например, государство, осознав, к примеру, что необходима научно-техническая инициатива (НТИ), осознав, что по какой-нибудь мысли, по какой-то идее, по каким-то причинам нам надо двигаться

«материальной» емкости, и так далее. В целом и в общем – могут быть разные «всплески». К примеру, запрос на материалы может временно резко вырасти, если начнет какое-то бурное движение, требующее много материала. Или энергии. Но это рано или поздно все равно развитие приведет к снижению материальной части в продукте.

Допустим, возьмем энергоемкость. Сейчас появились виртуальные валюты. Так – чтобы их намайнить, нужно огромное количество энергии. И вот говорят: новые технологии потребляют гораздо больше энергии, чем старые. Но это – сейчас, до тех пор, пока мы не придумаем технологические решения, которые позволят снизить потребление энергии. Или добывать ее менее затратно.

Возвращаясь к этой мысли, могу сказать, что сейчас этап такой, который сродни, даже – не сродни, а просто является фактически революционным, и научно-техническая революция приведет к смене парадигмы государства, к смене института государства, к качественной смене института государства, замене. Поэтому я и говорю, что в НИО.2 государство будет уходить постепенно из регулирования экономических отношений. Потому что экономика будет «сжиматься». Здесь «соотношение» государства, на мой взгляд, и общества очевидно просматривается.

АВБ. Сергей Дмитриевич, задам вопрос для пояснения будущим читателям этого текста. Есть два процесса. Первое – представим себе некий шар, это – экономика. Этот шар уменьшается в объеме и вместе с ним уменьшается государство, которое этот шар регулирует. Поскольку...

СДБ. Та «часть» «государства», которая регулирует экономические отношения.

АВБ. Та часть государства, Вы правы. Та часть государства (просто неточно выразил Вашу концепцию), та часть государства, которая регулирует экономику, «сжимается» вместе с шаром экономики. Другая часть государства сохраняется и как-то там живет, развивается. Это один вариант. Второй вариант – шар экономики сжимается, но государство сжимается еще быстрее, чем экономика. Или наоборот?

СДБ. По-разному. Есть два важных момента. Первый момент связан с тем, что движение никогда не бывает прямым. Движение бывает попятным, движение бывает боковым. Мы с Вами тоже

Пока рано говорить, насколько этот механизм закрепится, но мы считаем важной саму попытку привлечь общество, представителей профессиональных кругов и представителей реципиентов программ к их разработке и поставить их результаты под общественный контроль.

Еще дальше мы пошли в вопросах формирования промышленной политики города. В этом году принят разработанный Комитетом экономического развития при участии Союза промышленников и предпринимателей закон Санкт-Петербурга о промышленной политике. Суть этого закона как раз состоит в том, что, во-первых, город обязан иметь конструкцию мероприятий и установлений под названием «промышленная политика». Он содержит четкое описание, что это такое, и устанавливает механизмы ее формирования и реализации. Во-вторых, и в этом – суть закона, он предписывает формировать промышленную политику с учетом интересов субъектов промышленного процесса – работников предприятий, менеджеров, собственников, инвесторов, потребителей продукции, населения. При этом в законе прямо прописан механизм реализации этого положения. В частности, для работы с законом должен быть сформирован Промышленный совет Санкт-Петербурга, в состав которого по закону должны войти представители городской администрации в лице ответственных членов Правительства города и руководителей отраслевых комитетов, представители Законодательного собрания Санкт-Петербурга и представители общественных профессиональных ассоциаций и объединений. При этом количество последних должно составлять большинство в Совете, а все решения Совета принимаются простым большинством голосов. И, наконец, по регламенту Правительства Санкт-Петербурга и в соответствии с данным законом отныне ни один проект нормативного акта Правительства Санкт-Петербурга – будь то глобальная концепция развития промышленности либо решение о создании локальных промышленных образований (типа – промзон, технопарков и т.п.), либо иной документ, существенно затрагивающий интересы промышленности (например, городская программа энергосбережения) – не должны быть внесены на рассмотрение Правительства без заключения Промышленного совета. Чтобы соблюсти интересы города, которые в нашем случае представляют

интересы государства, закон предусматривает возможность для Правительства города принять любое решение, как одобренное Промышленным советом, так и не одобренное, но получить и рассмотреть такое заключение Правительство обязано по закону. И для того, чтобы принять решение, не соответствующее заключению Промышленного совета, у Правительства должны быть весьма и весьма веские, законно обоснованные аргументы.

Принятие этого закона также не обошлось без серьезной борьбы. Даже готовилось вето Губернатора на уже принятый ЗАКСом закон. Основной аргумент – Правительство свяжет себе руки, «зачем нам это надо?». Но однако удалось убедить Губернатора вето не налагать, закон подписать.

Промсовет создан по постановлению Правительства в октябре 2009 года. Первый результат его работы – это организованные им слушания по проекту Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года, который Правительство планировало принимать в декабре т.г. с учетом коррекции базовых параметров социально-экономического развития, произошедших в процессе кризиса. Проект Концепции Промышленным советом рекомендовано отклонить и отправить на глубокую переработку. При этом предложено также скоординировать принятие этого документа по срокам с принятием Концепции развития промышленности города до 2015 года, которая сейчас готовится Промышленным советом. По итогам слушаний Правительство города принятие Концепции отложило и отправило ее на доработку.

По плану работы Промсовета следующие шаги – формирование упомянутой Концепции развития промышленности, а затем, через новый механизм формирования целевых программ, и реализация конкретных задач развития промышленности с учетом интересов широкого круга участников промышленного процесса, с последующим включением т.н. адресной части этих программ в городскую Адресную инвестиционную программу, финансируемую из городского бюджета. И контуры новых промышленных образований, формируемых на новой основе с учетом упомянутых интересов, могут обрести, как говорится, «плоть и кровь», а технологическая, организационная, кадровая модернизация городской промышленности станет осуществляться более

СДБ. Конечно, другой. Либеральная концепция предполагает развитие экономики. Рыночной. Зоо. Не ноо. Моя мысль (так, я не скажу там – концепция!) – другая. Я предполагаю, что экономические отношения, будучи историческими, имеют свой исторический же конец. Сейчас, на данном этапе, роль государства очень важна. Оно может (да и должно!) содействовать прогрессивным трендам и научно-технологическому развитию, и целенаправленному формированию новых «правил жизни» социума, обеспечивающих разумное использование технологий и материальной среды. Иначе – возможен драматический кризис цивилизации, поскольку нынешние технологии по своему не только созидательному, но и по разрушительному потенциалу намного мощнее, чем в прежних технокладах, а развитие общественного сознания (в т.ч. – осознание и грозящей опасности, и ноопреимущества!) отстает. И поэтому на данном этапе роль государства – не в «уходе из экономики», а, наоборот, в «исправлении» оной, и в этом его роль, государства, должна усиливаться, а не снижаться. Если же мы говорим о снижении роли экономических отношений в развитии общества в целом, в будущем, в перспективе цивилизационного развития, как мы в начале этой беседы говорили, то предполагать, что должно быть усиление роли государства в этом смысле – неправильно. Роль государства в этой части – экономической! – в НИО.2 будет снижаться. Другое дело, что существуют еще другие функции, которые, возможно, будут возрастать, их значение будет возрастать. Вот почему я говорю о государстве и революции. Очень важный момент, это надо сейчас понимать.

АВБ. В данном случае – революции научно-технической?

СДБ. Да. Важно понимать, что мы сейчас живем в эпоху перехода к новому технологическому укладу, который так стремительно движется, что его называют многие научно-технической революцией, индустриальной революцией и так далее. Я предпочел бы слово «индустриальная», поскольку оно больше отражает смысл, заложенный в концепции движения по индустриальному пути. Индустриальное общество следующего поколения – в котором знания будут являться основной частью производственного процесса, и будут превалировать технологии, которые содержат большой объем знаний, со снижением

АВБ. Или перфоманс.

СДБ. Да, но он осознанно понимает, даже если он принимает свою собственную гибель как нечто неизбежное в этом перфомансе, что это, однако, вовсе не в интересах других людей. Поэтому в этом плане должны быть какие-то сохранены функции государства, которые не будут позволять такому «пиршеству духа» осуществляться. В этом смысле возникает еще один вопрос. Может ли быть «царство свободы» как царство абсолютной свободы? Я думаю, что не может быть. Почему? Потому что сохраняется общество, а общество – это индивиды. А индивиды, живя в обществе, не могут быть свободны от общества – и некоего общественного института как «согласователя» интересов. В этом плане роли общества и государства, как саморегулятора, будут постепенно «сливаться». Общество через какие-то институты, сходные с теми, которые породило государство, сходные с теми, которые есть, выработает форму государства или другого института, который будет согласовывать те интересы, которые позволяли бы социуму развиваться и благополучно существовать. В некотором роде – возврат к регулированию по «понятиям» – конечно, другого уровня, определенного выработанным и воспринятым членами общества уровнем культуры, культурным кодом общества.

АВБ. Сергей Дмитриевич, это такая стратегическая линия, выходящая в пространство не только и не столько политологии. Потому что проблема ограничения творческой деятельности – это проблема актуальная не первого десятилетия.

СДБ. Я бы даже сказал, что столетия. Я читал книгу о Бенвенуто Челлини, как он хотел нечто изваять, а ему не позволяли. Пришлось ему из Италии уехать во Францию. Еще в те времена.

АВБ. Возвращаясь к нашим экономическим материям, более близким, традиционным, во всяком случае, – Вашей деятельности. Есть довольно большой, точнее не довольно, а просто большой и долго продолжающийся спор об экономической роли государства, его возрастании или снижении по мере научно-технического прогресса. Тезис о постепенном уходе государства как особого института, регулирующего экономический процесс. Это тот же тезис, что и в либеральной концепции, связанной с расширением рынка, или это другой, уход другого государства, по другим дорогам, чем-то, что предполагается либеральной концепцией?

осмысленно и, верится, более результативно, в партнерской, более эффективной общественной среде.

Еще раз подчеркну – конечно, не стоит обольщаться; мы, безусловно, не сможем решить задачи модернизации общества и задачи модернизации соответствующих экономических блоков – в частности, промышленности – быстро и одними только подобными мерами. Но двигаться надо. Собственно говоря, на это направлены, если внимательно посмотреть, и многие федеральные новации, отраженные в выступлениях Президента России.

Лозунг «Россия, вперед!» в этом смысле я бы предложил понимать как призыв к модернизации всех институций общества и усилению в нем тенденций перехода от государства-сверхкорпорации к государству-партнерству, более адаптивному, более эффективному, с более устойчивой к кризисным явлениям экономикой – предтечей ноо-государства, базирующегося на ноономике как неэкономическом способе удовлетворения потребностей общества и его членов.

**С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор**

**Модернизация российской экономики:
от поддержки спроса к стимулированию предложения*
(выдержки из статьи)**

Экономический кризис 2008-2009 годов со всей очевидностью показал – необходима коренная модернизация российской экономики. Экономическая ситуация в 2010-2011 годах принципиально отличается от докризисной ситуации – также, как и модель экономического роста.

Важнейшей причиной, порождающей такое различие, является усилившаяся посткризисная глобализация мировой экономики, которая, пережив в докризисный период мощное развитие финансового рынка и финансовых инструментов, в итоге получила долговой кризис, который, собственно говоря, и стал «пиропатроном» «большого взрыва» – глобального экономического кризиса.

В России ситуация наложилась на внутренние обстоятельства, среди которых главным явилось практически полное исчерпание запаса прочности, которым обладала отечественная экономика в середине 2000-х годов; при постоянном росте бюджетных расходов этот запас прочности (его компоненты – снизившийся уровень монетизации экономики в результате кризиса 1998 года, стабильно высокий профицит баланса текущих операций и госбюджета в результате девальвации национальной валюты в 1998 году, последствия бюджетно-налоговых реформ начала 2000-х годов, начавшийся резкий рост нефтяных цен и др.), позволял иметь некую

* Опубликовано в сборнике «Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы». Выпуск XV. Сб. науч. трудов под ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ООО «СПАН» – 2011. – С. 23-36.

что интересы никуда не деваются, интересы в сфере того же творческого развития, интересы, конфликты, которые служат источником развития общества. Они – в другой плоскости: в плоскости творчества, в плоскости духа, в плоскости идей. Столкновение этих идей и прочее, оно тоже должно каким-то образом регулироваться. Каким это будет регулирование – наверное, сегодня сказать невозможно. Мне кажется, что здесь классики были правы в том, что не давали точной оценки.

Представляется, если думать о том, что подразумевал Ленин, когда писал «Государство и революцию», он полагал (я так видел в той работе, еще тех времен, советских, когда читал), что государство есть фактически только регулятор экономических отношений. Во всяком случае, не было акцентировано, что это может быть по-другому. Поэтому и вывод такой, что оно отомрет в той части, в которой оно регулирует экономические отношения, в связи с исчезновением экономических отношений. Регулировать будет нечего. Я в чем согласен – эта частная функция государства отомрет. Другие функции останутся: функции согласования прочих интересов, функции обеспечения этого согласования интересов, какие-то функции. Это не будет, скорее всего, физическое принуждение, но это будет некое установление каких-то линий, каких-то границ в согласовании этих интересов. Потому что «царство свободы», по идее, предполагает царство абсолютной свободы, свободы духа абсолютного, то есть – я что хочу, то думаю, что хочу, то делаю. И мне кажется, что здесь, на уровне «думать», никому ничего не будет запрещено, а вот реализовывать свои «думы» надо будет «через что-то». Например, скульптор захотел сделать вот такую скульптуру, но для этого надо то-то и то-то. Материалы, пожалуйста, можно добыть. Но, может быть, здесь что-то еще, такое, к примеру, будет оскорблять чувства других людей. Здесь может быть некое установление, которое человеком – через осознание интересов других людей – будет воспринято без такого типа принуждения, которое есть сегодня, физического принуждения, ограничения свободы и так далее. Принуждение будет принято добровольно, «просвещенное», через разъяснение и уяснение, условно говоря. Да, некто хотел бы сделать то-то. Этот некто в своем воображении понимает, что это было бы замечательно. Если взорвем Землю, представляете какой будет взрыв, какое будет шоу!.

прокуратуры – и выяснили, что на 99,9% это одно и то же лицо. И никакой он там не гей, который пробежал по Солсбери, а на самом деле – что же там «на 99% полковник ГРУ» делает в Солсбери? То есть – спрятать информацию невозможно даже на уровне государственном сверхкаком-то уже сейчас.

Другой пример – сегодняшние технологии позволяют создать «фейковое» информационное пространство, придумать виртуальные среды и выдавать их за реальность... В том же примере – а Вы уверены, что фото с посещением Бошировым-Чепыгой того же Солсбери – не фейк? То-то...

Что будет дальше?

Дальше будет открытости все больше в силу технологий, которые позволят это идентифицировать, распознавать и так далее и тому подобное. Значит, государство должно менять вслед за этим свои институты, структуры? Да, будет менять. Меняется общество, меняется государство. Возникает вопрос. Когда экономическое общество перестанет существовать в силу этого самого прогресса технологического (мы об этом говорили, обсуждая концепцию ноономики) – вроде, по идее, отпадает роль государства как регулятора экономических отношений. И об этом классики марксизма то же самое говорили, да и многие говорили. Сталин писал о завершении какого-то этапа истории и так далее, если память мне не изменяет.

Отпадает ли? Государство ведь сегодня регулирует не только эти отношения, и почему? Потому что оно уже тоже качественно другое, оно служит на самом деле не только для регулирования, оно служит больше – через регулирование – для согласования интересов. Причем уже – не только экономических. И тут возникает вопрос. Согласование интересов кто будет производить, когда экономическая роль государства, экономического регулятора отпадет? На этот вопрос ответа классики не дали.

Я полагаю, что государство постепенно, качественно меняясь в процессе исторического развития человечества, изменит свое качество, поменяет свою функцию, но останется в какой-то мере (пусть это не будет государство в сегодняшнем понимании) регулятором неэкономических отношений, согласования других интересов – не регулятором, а «согласователем» интересов оно останется. Какой-то институт будет существовать. Почему? Потому

макроэкономическую стабильность – обеспечивать рост зарплат, социальных расходов и т.д.

Очевидно, что все эти факторы будут играть существенно иное значение в новой, посткризисной экономической реальности. Анализ даже этих факторов убедительно свидетельствует в пользу необходимости серьезных шагов принципиального характера по перестройке российской экономики.

В настоящее время предлагаются разные подходы к решению проблемы модернизации экономики России. Создана комиссия по модернизации экономики при президенте России, которая идет «технократическим» путем – определения нескольких базовых направлений модернизации промышленности, составления перечней «приоритетных» проектов и др. Делаются и активные попытки внести инновационный импульс в процесс модернизации экономики путем административно-принудительного «подстегивания» бизнеса к внедрению инноваций, осуществления специализированных «кристаллизующих» проектов типа «Сколково» etc. Существуют предложения начинать модернизацию с кадровой революции, реформирования системы подготовки кадров, резкого увеличения инвестиций в человеческий капитал.

Все эти механизмы решения задачи сами по себе имеют право на практическую реализацию и, безусловно, будут способствовать решению главной задачи, однако для получения требуемого результата успехов в нескольких, пусть даже весьма важных областях, очевидно, мало.

Для достижения реальной модернизации необходима, во-первых, комплексная, системная модернизация не только отдельных критических или прорывных отраслей, но и всей технологической базы и, шире говоря, технологического уклада российской экономики. Во-вторых, необходимо рассматривать модернизацию в четкой связке с ее институциональным аспектом. Никакой значительной, устойчивой и имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, если не изменим подходы к дальнейшему формированию основных базовых институций нашего общества. В свою очередь, модернизация институциональная очень сильно зависит от общей концепции развития общества.

История знает немало случаев, когда правильно избранная модель общественного устройства активно способствовала развитию экономических отношений, быстрому прогрессу, в т.ч. и технологическому. Немало и противоположных ситуаций, только в этом варианте результатом становилась, как правило, не только деградация экономики, но и, во многих случаях, – ее крах, а затем и смена экономической формации, а иногда – и общей модели общественного развития.

В связи с этим актуальным является вопрос выбора модели общественного устройства и соответствующей модели развития российской экономики, имея в виду создание такого ее типа, который позволил бы ей быть конкурентоспособной в глобализующемся мировом сообществе в ближайшие десятилетия.

...

Т.о., сегодня перед российским обществом стоит важнейший вопрос – к какому типу общественного устройства мы хотим прийти в ближайшие годы и на основе какой модели экономики? От ответа на этот вопрос и зависит определение основных направлений модернизации нашей экономики.

Ныне действующая экономическая модель родилась не сегодня и имеет значительную предысторию и предпосылки, созданные на предыдущих этапах развития нашего общества. Основа нынешних «достижений» была заложена частично в поздний советский период («сырьевой» тренд, технологическая отсталость, недоразвитость промышленной и иной хозяйственной инфраструктуры, архаичные представления об управлении с сохранением многих атрибутов и институтов такого управления в постсоветский период, известное отношение к собственности, в т.ч. – интеллектуальной и т.д. и т.п.). Частично успешную попытку «развернуть» экономические отношения советского тоталитарного государства в сторону вовлечения в экономику на самостоятельной основе граждан в качестве экономических партнеров (развитие кооперативов, подготовка идеологической и частично законодательной базы для развития частной собственности, формирование современных экономико-законодательных механизмов ее оформления и др.) удалось сделать в поздний советский период правительству Н. Рыжкова и Л. Абалкина. Однако последовавший затем политический катаклизм, завершивший

изменений от технологий – в экономике, и далее – в обществе.

Я полагаю, что вообще все революции, которые совершались, – они совершались в связи и путем накопления знаний через технологические вещи, знаний, позволяющих экономику менять, формируя новые техноуклады и формируя новые экономические уклады и политические. История подтверждает, что в развитии технологических укладов были свои этапы, совмещенные или скоординированные с этапами общественного и экономического развития, с опережением последних. Потому – если индустриальный способ производства, то капитализм и так далее. Капитализм – это не просто капитализм в экономических отношениях. Этот капитализм породил капиталистическое общество, отразился на общественных отношениях, по закону отражения. Но есть обратное отражение: общество, развиваясь духовно, интеллектуально, требует смены капитализма или его качественного изменения, и этот процесс идет. Что и происходит, мы наблюдаем это постоянно.

Если мы понимаем это так, тогда мы должны сделать вывод какой? Что на сегодняшний день государство, являясь активным регулятором, не просто предписывает что-то и наблюдает, а вмешивается в процессы и, отражая свое вмешательство, меняет уже и какие-то технологические линии. Государство может поддержать какой-нибудь процесс технологический инвестициями, чем-то еще, какими-то вложениями, законами, налогами. В то же время государство не может не отвечать на вызовы, которые дает технологический прогресс. Поскольку в сути, в самом начале, в основе лежит все-таки движение научно-техническое, то оно является основным драйвером развития всего технологического уклада общества и политической структуры государства.

Как пример, могу сказать – сегодняшние технологии позволяют формировать т.н. «открытое общество». Мы говорим о том, что кругом – все больше и больше открытости. Вот недавний пример со Скрипалями. Только что опубликовано, что на самом деле господин Боширов является товарищем Чепыгой, то бишь полковником ГРУ типа настоящим. Не знаю, так ли это. Допустим, это так. Нас интересует другое – а почему это выяснилось? Потому что базы данных канувшего в лету ГРУ и МВД, которые стали доступны общественности, кто-то «слил», и вот – фотография, один в один. Сделали проверку официальную в доступных базах

СДБ. Я к этому и подвожу. Я могу сказать, что если мы говорим об этом, то должны посмотреть в корень, на мой взгляд. Я считаю корнем развития технологическое, интеллектуальное развитие человечества через творческий процесс. Формируя, так или иначе, новые идеи для реализации своих потребностей, человек автоматически двигает то, что мы называем научно-техническим прогрессом, научный, технический, технологический, индустриальный, когда возникает индустриальный способ производства, и так далее и тому подобное. Мы изобретаем новые изделия, новые станки и так далее, мы копируем знания на каждом технологическом этапе. Накопив знания, мы переходим к новому технологическому этапу. Это то, что называл С. Глазьев, когда оно «на общество» переходит, технологическим укладом. Я бы даже сказал, не технологический уклад, а общественно-технологический уклад. Потому что «технологический уклад» – выражение само – не очень четко отражает, на мой взгляд, суть процесса. Потому что «технологический уклад» – выражение само – не очень четко отражает, на мой взгляд, суть процесса. Потому что технологический уклад не просто появляется, он сразу за собой влечет через некоторый небольшой этап изменение общественных отношений, в любом случае. Но поскольку это революционная смена, пусть она даже будет медленная, – это все-таки смена, другая жизнь начинается в технологиях, соответственно, другая жизнь начнется и в обществе.

Вот сейчас на пороге – искусственный интеллект, робототехника, третья фаза компьютеризации (когда вместо «рабочего стола» и «папок», а затем сменивших их «окон» и «браузеров» мы получим «потoki» как условные единицы информационного взаимодействия), затем – «мемо»-низация медийной среды (мемы, мемы...), «дематериализация» (снижение материалоемкости) индустриального продукта и слияние его – через снижение соответствующего интереса человека к собственности (развитие «сособственности», совместного использования (сопотребления) вещей – к примеру транспорта (тот же каршеринг)) – с продуктом-услугой... (отсюда, кстати, из внешнего проявления этого фундаментального эффекта развития индустрии как феномена проистекает заблуждение постиндустриалистов о формировании «общества услуг»). Вот что просматривается как цепочка

существование Советского Союза и приведший к формированию на постсоветском пространстве новой политической конфигурации, сопровождавшийся разрывом единого экономического пространства, а затем – и последовавшей стремительной деградацией экономических субъектов, ухудшением социально-экономических условий жизни населения, вынудил первое правительство России в начале 90-х годов в стрессовой ситуации предпринимать жесткие и, – сегодня это очевидно – не всегда продуманные меры по купированию возникшего острого кризиса и формированию новой экономической модели общества.

Не останавливаясь на известных и неоспоримо ценных шагах экономических властей России в этот период времени, возглавляемых «младореформаторами» из команды Е. Гайдара, тем не менее, отметим некоторые проблемы, возникшие в качестве следствия проводимой ими экономической политики и существенные для оценки сегодняшней экономической модели российского общества.

Поскольку основой этой модели сегодня является частная собственность на орудия и средства производства, частный капитал и различные вариации его взаимоотношений с государством и обществом («государственно-частное партнерство», «социальная ответственность бизнеса» и др.), напомним, что основу формирования института частной собственности в современной России в основном заложила проведенная в начале 90-х годов приватизация экономических субъектов. На заре экономических реформ 90-х годов в рамках первой волны приватизации собственность была передана трудовым коллективам, что в целом должно было способствовать вовлечению «широких масс трудящихся» в управление экономическими субъектами, включить их в ряды частных собственников и сформировать социальную базу для развития частной собственности как института социального и экономического партнерства. Однако предложенные механизмы реализации приватизации не предусматривали сохранение собственности за вновь испеченными собственниками миноритарных активов и позволяли осуществлять безболезненную и достаточно простую концентрацию таких активов у тех, кто мог эти активы «собрать». Учитывая, что собственно ваучерный этап приватизации сильно запоздал, к моменту ее проведения часть

населения сумела накопить значительные (по тем масштабам) ресурсы, которые и были направлены на выкуп активов у нищенствующего (на фоне разразившегося экономического кризиса) населения. В результате приватизация вместо народного во многом приобрела административно-грабительский характер – возможно, вопреки идеям и воле ее авторов.

Т.о., в конце 90-х – начале 2000-х годов были заложены предпосылки формирования не партнерского варианта экономической модели, а варианта, получившего в обществе название «олигархического капитализма».

К сожалению, линия на номенклатурно-олигархическую приватизацию продолжалась и в середине, и во второй половине 90-х годов. В итоге перед экономическим кризисом 1998 года в составе юридических лиц России осталось лишь чуть более 16% госпредприятий, около 5000 пакетов акций приватизированных предприятий и 1,1 тысячи т.н. «золотых» акций. При этом предприятия базовых отраслей, имевших хороший экспортный потенциал, были приватизированы в первую очередь (например, 92% предприятий цветной и 99% черной металлургии, 95% нефтехимии, почти полностью – легкой промышленности и, наконец, – гражданского машиностроения, пищевого, промышленности стройматериалов, производства подакцизных товаров (алкоголя, сигарет)).

В результате отечественная приватизация 90-х годов, решив важнейшую политическую задачу (разрушить старую систему), не решила главную экономическую задачу – создание предпосылок для формирования не люмпен-пролетариев, а активных частных собственников, заинтересованных строить общество-партнерство.

Т.о., экономические реформы 90-х годов, способствуя появлению узкой прослойки крупнейших собственников, получивших колоссальные активы за минимальные деньги, и появлению максимально широкого слоя населения, фактически оторванного от реальной экономической жизни, не дали главного, чего следовало ожидать от реформ – они не соединили получение высоких результатов деятельности экономических субъектов с осуществлением реального предпринимательства, необходимостью заниматься модернизацией активов (в т.ч. технологической модернизацией промышленных предприятий), модернизацией

периодически, на определенных своих этапах, менять свою форму, форму государства, чтобы она больше соответствовала вот этому «духовному» состоянию в целом системы. Это позволяет, «перетряхнув» систему, переизменив, переставив местами, условно говоря, на этой шахматной доске определенные фигуры и их отношения, сделать систему более устойчивой. Снизить ее энтропию.

Почему эта устойчивость нужна и почему необходима на современном этапе существования общества и государства как института? Потому что на нынешнем этапе цивилизационного развития экономические отношения еще никуда не делись, они есть. Все другие отношения сегодня, в значительной мере подчиненные так или иначе в своей реализации через такой – экономический пока! – механизм (мы не можем написать книгу, не имея чернил и бумаги или, в сегодняшнем мире, компьютера), тоже завязаны на материальную, экономическую сторону жизни. Экономическую сегодня, потому что сегодня у нас – экономическое общество. Соответственно, государство как институт должно существовать, чтобы регулировать эти отношения. Регулировать и иметь все свойства государства, все функции государства, которые сегодня есть и которые необходимы.

Однако творческий процесс продолжается, духовная сфера растет. Значение материальной сферы постепенно снижается. Сегодня мы переживаем новую революцию – технологическую. В этой связи возникает вопрос: как будет меняться государство? Если оно раньше менялось качественно, то есть, возникнув однажды, оно менялось качественно (то «Государство – это я», – Людовик говорил, то: «Давайте – свобода, равенство, братство, и все пойдем за этой свободой, Парижская коммуна, сделаем республику», то еще какие-то формы государства), то сейчас возникает вопрос, какая будет форма государства и будет ли оно вообще в НИО.2, например.

АВБ. И здесь, видимо, встает та тема, которую Вы обозначили за пределами нашего сегодняшнего разговора и которая, наверное, сейчас должна быть включена: тема революции не политической, даже не социальной – революции научно-технической.

СДБ. Совершенно верно.

АВБ. Я так чувствую, что именно к этому подводится.

Эта сфера имеет пределы гибкости и пределы «терпения». Рано или поздно возникает напряжение в системе, когда система подавлять начинает не только то, что ей «положено» подавлять и регулировать, а подавлять все остальное автоматически, по своей природе, через некий аппарат – к примеру государство. Возникают противоречия в системе. Напряжения растут, и рано или поздно происходят изменения, часто – как революции. В социальной системе – социальные революции, частный случай, который Ленин в силу необходимости в шалаше рассматривал. При этом – революции, которые вызваны не столько материальными проблемами, сколько «проблемами духа».

В каждой революции есть идея. Она лежит в начале революции, если мы говорим о революции социальной. Допустим, скажем, Парижская коммуна, или революция 1917 года и так далее. Я не верю, что все люди, которые брались за ружье в 1917 году, были голодны, умирали от тифа, или еще что-нибудь, что это чисто рабы были, которых хлестали плетью. Были разные люди, были офицеры, были интеллигенты – их объединяло другое, их объединяла идея, и эта идея была важнее, чем материальная компонента. Это – идея раскрепощения духа, помните, «освобождение труда». Какого труда? Не только материального, труда в целом, в том числе – труда «духа», труда творческого, творческого отношения к жизни. Я так трактовал бы это все дело. В этом случае, может, они сами не осознавали, эти революционеры, что они такое натворили. Как говорил Путин: «Вы понимаете, что вы натворили?». Но мне кажется, что это могло происходить от этого.

Потому что идея – это главный двигатель всех реформаций, всего. На базе идей, на базе этого особого знания, осознания, развития формировались и экономические отношения, и политические отношения, и все остальные, и формы государства, если мы коснемся этой части, которые формировались под влиянием определенных групп, идей: либеральное государство, монархическое государство и так далее, там тоже какие-то идеи лежали в основе. Эти идеи уже потом как-то реализовывались, как-то подкреплялись чем-то еще, закреплялись в институтах соответствующих.

Таким образом, если мы понимаем вот это, то мы говорим о чем? О том, что само государство, развивая аппарат принуждения, тем не менее, порождает, вынуждает себя как институт

выпускаемой продукции (в первую очередь – через инновации) и т.д., что фактически изменило предполагавшуюся систему мотивации деятельности экономических субъектов на противоположную – в обществе сформировалось устойчивое представление о том, что такие базовые факторы, без которых невозможна реализация партнерской модели общества, – компетентность, трудолюбие etc, которые в развитых странах ассоциируются с базовым условием достижения благополучия, высокого социального статуса и т.д., в нашей стране средством достижения таковых не являются. Наоборот, это породило представление и у населения России, и в мире о российском предпринимателе либо как об олигархе, приближенном к распределению общественных ресурсов, либо как о вороватом чиновнике, распределяющим ресурсы. Изменить такие представления, далеко не всегда справедливые, но имеющие право на существование и постоянно воспроизводимые в общественном сознании по объективной причине, каковой является нынешнее экономическое устройство, унаследовавшее результаты реформ 90-х, является одной из важнейших задач модернизации российского общества.

Отметим, кстати, что в силу скорее объективных причин российские экономические реформы 90-х прошли мимо другого варианта приватизации, который реализовал Китай. В отличие от цели, преследуемой «младореформаторами», китайские власти в конце 80-х годов перед экономической реформой не ставили задачу быстрой смены формы собственности (хотя формирование института частной собственности, безусловно, предполагалось); основной задачей китайской экономической реформы в этот период было обеспечение долгосрочного устойчивого экономического роста на базе создания частных предприятий и вовлечение в этот процесс максимально возможного контингента экономически активного населения путем отказа от тотального доминирования государственной и т.н. коллективной собственности. Китай пошел по пути, во-первых, активного привлечения сторонних (в первую очередь – иностранных) инвесторов на китайский рынок (так было и в поздних советских реформах), но только в отрасли, которые были новыми для китайской экономики (в отличие от СССР – ранней России). Это позволяло, например, иностранным инвесторам иметь

хорошие позиции на китайском рынке, так как у них отсутствовали китайские конкуренты и присутствовала активная поддержка китайских властей, а китайским частным стартапам, мелким (в то время других и не было) предпринимателям вкладываться именно в те новые отрасли, которые хотело развивать государство, не мешая госпредприятиям, преобладающим в уже функционирующих отраслях экономики. Во-вторых, на приватизацию были отданы самые тяжелые и малоэффективные отрасли китайской экономики – сельское хозяйство, мелкий (в основном – торговый) бизнес; при этом в этих отраслях совместные с китайскими иностранные компании получали дополнительные преференции, что позволяло и тем, и другим развивать свой бизнес в этих отраслях максимально эффективно. На следующем этапе китайской приватизационной реформы на приватизацию выставлялись и предприятия из базовых отраслей, но только неэффективные, а также крупные и средние эффективные предприятия небазовых отраслей промышленности (пищепром, торговля, легкая промышленность и т.д.). Т.о., главное отличие китайской приватизационной реформы от российской, позволившее получить существенно больший экономический эффект для общества, заключается в том, что развитие частного сектора в экономике шло не путем быстрой и дешевой сдачи «командных высот» сектора государственной экономики, а путем постепенного «выращивания» частного сектора с параллельной поддержкой и даже в ряде случаев наращиванием сектора государственного. При этом государство в качестве приоритета реформ обеспечивало четкое разграничение государственного и частного «карманов» и интересов. Еще одной особенностью китайской экономической реформы является создание специальных (разных) условий конкуренции для частных и государственных компаний. На внутреннем китайском рынке частные компании активно конкурируют с иностранными компаниями, что позволяет в целом (упомянем, не вдаваясь в детали) обеспечить быстрое, за 2-3 десятилетия доведение уровня качества китайских товаров до среднемировых при сравнительно низких производственных затратах и ценах на финальную продукцию и, соответственно, достижение необходимого для завоевания мировых рынков уровня китайской продукции по соотношению «цена/качество». В то же время государственные монстры китайской экономики (CNPC, China Mobile и др.), как известно, оперируют

они поддерживают друг друга, но, тем не менее, я полагаю, что именно так), с развитием технических возможностей удовлетворить потребности людей все больше и больше на фоне придуманной людьми возможности «меняться через деньги» превращается в это самое «политическое общество». Капитал постепенно начинает отрываться от реального сектора, это мы уже с Вами проходили.

Когда эти интересы объединены в какой-то силе, то они служат тому, у кого больше, как говорилось в «Свадьбе в Малиновке», у бабки, «золотого запаса», у кого больше возможностей представить интересы, или возможности удовлетворять интересы, или возможности подчинять интересы других членов общества себе, своим интересам. Собственно, отсюда появляются эти самые «формации», которые товарищи прописали – условно говоря, феодальная формация, капиталистическая формация и так далее. Туманно, так сказать, но, если с этой точки зрения смотреть, по крайней мере, это более понятно. Если мы говорим об этом, то надо осознать еще одну вещь. Когда мы рассуждаем о формировании этого подчинения и, понимая, что оно не может не затрагивать других областей, мы понимаем, что у человека есть некое внутреннее качество, которое в нем заложено Творцом. Человек хочет внутренней свободы. Его интересы – это выражение его свободы. Он не может жить в обществе и быть свободным от него, так как общество не свободно, условно говоря, оно создает условия принуждения, условия «нужды». То, что говорил Маркс, – нужды. Если правильно понимать Маркса в этом контексте, то, мне кажется, нужно понимать это так, что «царство свободы» – это «царство» свободного получения удовлетворения своих интересов, реализации своих интересов. Не материальной свободы только лишь, не нужды в обычном понимании, но – принуждения, хотя, конечно, какая-то часть этой «нужды» здесь есть, в экономическом обществе нужно помнить: «не потопаешь – не полопаешь». Там, в «царстве свободы», в следующей стадии развития, уже не потопаешь, а полопаешь, но при этом интересы все равно остаются. Так вот, у человека есть это прирожденное, внутреннее, дарованное Богом свойство. Оно выражается как раз в реальной жизни через творческий процесс – например через осознание творческим образом мира. То есть, духовная сфера, сфера творения, сфера науки, религии – та, которая не связана напрямую с материальным миром.

усложняется. Она превращается, политическая сфера, в государство. Те «понятия», которые стало регулировать государство, оно превращает в «писанные» отношения, в законы, превращается в какие-то уложения, которые предписывают что-то делать и чего-то не делать. Оно требует также чего? Исполнения этих законов, этой системы отношений. Исполнение законов приводит к чему? К тому, что «первоначальный» удар палкой по голове заменяется институтами насилия, принуждения – «цивилизованными», утвержденными законодательно. Понятно, что вот за это, типа, нельзя бить два раза палкой по голове, за это надо бить только один раз палкой по голове, а вот за это – три, или руку отсекать, или еще что-нибудь делать, или в армию призывать, если надо воевать с кем-то и так далее и тому подобное. Появляется у государства и то самое, о чем в «Государстве и революции» Ленин писал: тюрьмы, институты принуждения и все подобное – по-моему, во втором разделе работы этой.

АВБ. Да.

СДБ. Если память не подводит... Это как раз появляется на этом этапе. Появляется – и тоже расширяется. Дело в том, что политический институт государства, регулируя эти отношения, не может не затрагивать другие сферы. Начинается регулирование, попытки регулирования государством других сфер, духовной сферы в частности. Влезание государства в религию, в науку и так далее. Подчинение творческого процесса, попытка подчинения творческого процесса и творческого труда, в том числе, «интересам государства».

Но при этом эти интересы какие?

Здесь важно понять, что в системе могут возникать критические отношения между элементами системы. Если некая система, некая часть системы, некоторые элементы системы имеют бо'льшие интересы или более важные интересы для общества, или превалирующие интересы (в каком-то плане: если мы говорим об экономическом обществе, то в экономическом плане), то эти интересы становятся особо важными, им подчиняется политический институт, который регулирует эти отношения, и все остальные должны «лечь» под это.

Таким образом, получается, что общество, достигнув этапа индустриального, порождающего капитализм и так далее и тому подобное (не наоборот (!) – взаимопроникновение, конечно, есть,

в основном на мировых рынках, в условиях конкуренции с мировыми гигантами, и пользуются колоссальной поддержкой китайского государства на всех уровнях. Т.о., в ходе китайской экономической реформы масштабного перераспределения государственной собственности не произошло, а частный сектор вырос до масштабов, сопоставимого с государственным, без «переименования» государственного имущества в частное.

Результатом этого, что важно с точки зрения нашего исследования, является то, что нынешний частный сектор в КНР возник в результате инициативы, таланта, усилий эффективных предпринимателей, для которых государство создало необходимые условия, но которых не наделило ничем иным (в т.ч. – бесплатной либо полубесплатной собственностью), что позволило в условиях разумно контролируемой и постепенно нараставшей конкуренции вырастить класс реальных эффективных собственников и поставить результаты их экономической деятельности не в зависимость от близости к «трубе» или другим ресурсам, а в зависимости от созидающих экономических факторов.

Российское правительство после кризиса конца 90-х годов, осознав в какой-то мере несообразность избранного пути провозглашенным целям построения экономически эффективного государства, предприняло определенные меры по восстановлению роли государственного сектора в ряде базовых экономических сегментов. Однако при этом неизбежным был идеологический переход и к восстановлению в правах модели «государства-сверхкорпорации».

Остановимся на характеристике основных элементов ныне действующей экономической модели.

В этой модели государство является ключевым источником экономического роста. Именно оно определяет экономические приоритеты, мобилизует под их реализацию административные, экономические и иные ресурсы и формирует для этого соответствующую инфраструктуру, создавая или скупая соответствующие компании, финансовые институты и т.д. Превалирующим и системообразующим в такой экономической модели является государственный спрос на товары и услуги.

Данная модель, преследующая декларируемую цель обеспечения социальной и политической стабильности, базируется

на высоком и растущем уровне мировых цен на российское сырье, в первую очередь, – углеводородное, и ориентируется на наращивание бюджетных расходов в качестве главного источника спроса. Такая модель предполагает, очевидно, постепенное увеличение налогового бремени при неснижающемся высоком уровне инфляции и требует постоянного расширения государственного вмешательства в экономику – не только (а затем, – и не столько!) регулятивного, сколько (чаще всего!) адресного – т.н. «ручного» управления, которое становится все более превалирующим в противовес системному. Нынешняя экономическая модель, сохранившая такое «родимое пятно» 2000-х годов, как использование крупных, дешевых и при этом незаработанных ресурсов, порожденных не ростом производительности труда, а благоприятной конъюнктурой, предполагает также активную роль и развитие монополий, что в сочетании с дорожающими углеводородами на мировых рынках (стерилизовать последствия чего ЦБ путем сдерживания укрепления рубля может лишь ограниченно) и при мощных государственных инвестициях в инфраструктуру (дорожное строительство, энергетика и др.), а также в социальную сферу, и при неизживаемом в рамках такой модели высоком уровне коррупции, гарантировано «обеспечивает» высокий уровень инфляции и необходимость дальнейшего наращивания социальных расходов, которые, в силу своего характера, являются, в свою очередь, необратимыми (в отличие от вложений в инфраструктуру).

В этих условиях государство будет вынуждено все более и более прибегать к административным регулятивным механизмам («адресное» вмешательство в деятельность экономических секторов и компаний, специфический «патернализм», выборочность правоприменения к субъектам регулирования), что, в свою очередь, порождает усиление коррупции, ухудшение инвестиционного климата – как для «своих», так и для «чужих», и другие негативные явления, сужающие возможности развития российской экономики и достижения им темпов, хотя бы «догоняющих» экономику мировую.

Очевидно, идеология модернизации российской экономики в данной экономической модели реализована быть не может. Необходим переход от модели экономики государственного спроса к модели экономики предложения. При этом такая модель должна

потребностей начинает удовлетворяться, возникает некая необходимость в регулировании этих производственных отношений. Они становятся производственно-экономическими. Не просто производственные – произвел что-то из чего-то и съел, а уже – обменялся. Обменялся – значит это уже мена. Мена – это уже неравенство, потому что не существует абсолютно эквивалентной мены, ее просто не существует в мире. Даже вот две вроде бы одинаковые чашки чая, но может быть одна немного холоднее, другая – горячее. И тот, кто получает в каком-то контексте выгоду, в какой-то критериальной базе выгоду, тот – в выигрыше.

А с возникновением денег, как мы с Вами установили, с возникновением денег как предмета общего, универсального, который позволяет вести учет этой самой выгоды, который является количественным ее выражением, мы понимаем, что происходит качественное преобразование абстрактной выгоды в количественное отображение денежной выгоды. Такая «реформа» учета интересов активно ускоряет развитие отношений индивидов в социуме в процессе удовлетворения их разнообразных потребностей. Происходит изменение устройства общества и возникают экономические отношения, которые требуют гораздо более сложного регулирования. Это – новый качественный скачок. С этого момента, когда начинается денежная торговля, когда начинается осознание, что можно «экономическим образом» организовывать свою жизнь, возникает и потребность в более активном и в более эффективном регулировании.

Примерно в это же самое время, с момента развития этих отношений, и возникает политическая надстройка – из экономики, которая инициирует и стимулирует образование через какое-то время государства. Оно – надстройка для чего? Для регулирования, в первую очередь, экономических отношений. При этом общество, имеющее, кроме этих отношений, многие другие – шире, больше, чем государство. В обществе есть разные сферы: сферы осознания, духовная сфера, сфера технического развития, условно говоря, сфера экономическая, сфера интеллекта, сфера политическая. Каждая из них каким-то образом возникает.

Политическая сфера возникла преимущественно «из экономики» для регулирования экономических отношений, но с развитием экономических отношений она тоже, в свою очередь,

При этом – это очень сложная штука. Например, условно говоря, некая группа индивидов имеет определенный общий, похожий, сходный интерес в каком-то направлении. Другая группа имеет сходный интерес в другом направлении, не в этом. Но при этом члены первой группы и часть другой могут иметь третий интерес, связанный с совершенно иным направлением, и так далее. Получается, что система не просто в количестве увеличивается, она изменяется качественно в силу того, что не только количество участников системы растет, но и количество интересов, то есть количество «валентностей», или связей между ними, тоже растет. Причем растет это все дело в некоей условно экспоненциальной зависимости, если можно так сказать, пользуясь не чисто математическим понятием. Но понятно, что это – стремительный рост, рост синергетического свойства. Потому что вслед за этим возникают не просто интересы групп, а интересы слоев, интересы не только слоев, но и крупных объединений.

Возникает необходимость – потребность! – как-то регулировать эти отношения тогда, когда (здесь очень важный момент) это начинает быть важным. Это начинает быть важным тогда, когда потребностей и возможностей удовлетворения потребностей количественно становится существенно больше. Удовлетворение потребностей требует все большего и большего труда, усилий. Чем больше требуется усилий для удовлетворения потребностей, в том числе интеллектуальных усилий, в том числе – усилий с ростом осознания и знаний о том способе удовлетворения потребностей, который необходим, тем более творческим становится труд. Более осмысленным, более знаниеемким и более творческим. Не в плане – творить скульптуры, а творческим в плане – как удовлетворить потребности, «сотворить чудо». Сделать так, чтобы камень превратился в топор, из топора суп сварить и так далее и тому подобное. Как это сделать – здесь без осознания, без сотворения невозможно. Именно – сотворения! И с развитием труда, его творческой компоненты возникает все больше и больше возможностей для удовлетворения потребностей людей. Человек-творец производит нечто для удовлетворения потребностей. И контактирует в этом процессе с другими индивидами.

При этом создаются, как Вы помните из наших предыдущих коллоквиумов, новые потребности, и когда критическая масса

ориентироваться, особенно на первом этапе, не столько на темпы экономического роста, сколько на качество такого роста. Целесообразно перейти к стимулированию предложения продукции, создаваемой субъектами экономической деятельности. Для этого необходимо радикально изменить и условия их функционирования в экономическом пространстве, и, собственно, институциональную конструкцию самого этого пространства.

Назовем, не претендуя на полную оригинальность и безусловную полноту, некоторые существенные, на наш взгляд, черты такой модели.

Ее первое принципиальное отличие – не рост, а относительное (к размерам экономики) сокращение и сбалансированность бюджетных расходов. При росте экономики это позволит приступить к снижению налоговой нагрузки на бизнес, направить высвобождающиеся ресурсы на так необходимые инновации и развитие производства товаров и услуг. Кроме того, это позволит в значительной мере снизить налоги на труд, что будет стимулировать спрос со стороны населения. Важно также в это же время обеспечить рационализацию бюджетных расходов, наведение жесткого порядка в этой сфере.

В целях сдерживания инфляции и получения дополнительных доходов, которые можно направить на реализацию модернизационных задач (например, на закупку за пределами России новейших технологий, станочного парка и других важнейших и отсутствующих у нас ресурсов) в такой модели предполагается развитие механизмов стерилизации конъюнктурных доходов государства неналогового характера (через создание/воссоздание специальных стерилизационных фондов).

Важной чертой данной модели, что отвечает, отметим, и общему мировому тренду, и планам вступления России в ВТО, является повышение открытости экономики, ее инвестиционной привлекательности (расширение механизмов и возможностей Таможенного союза, создание ЕЭП, «открытие Европы», благоприятная для инвестпроцесса валютная политика и т.д.). При этом государство, тем не менее, должно обеспечить разумный патернализм в деле «покорения» российскими несырьевыми компаниями важных ниш на мировых рынках.

Не менее важным элементом такой модели является радикальное изменение отношения к человеческому капиталу. Следует, видимо, отметить, что еще одной серьезной проблемой, доставшейся нам в наследство от экономических реформ 90-х - 2000-х годов, явилось критичное снижение ценности человеческого капитала, престижа науки и образования и т.д. (причем это – «родовая болячка» России: так было и после революционных реформ 1917-1920-го годов), что привело к гигантской «утечке мозгов» и потере Россией множества позиций в наиболее передовых секторах науки и производства, которые в глобализующейся мировой экономике и являются основными драйверами роста. В связи с этим необходимо серьезное изменение государственной политики в сфере человеческого капитала путем активного развития различных социальных систем – от родовспоможения, здравоохранения и т.д. до пенсионного обеспечения, включая, безусловно, всю систему образования – от школьной скамьи, подготовки и переподготовки кадров до профессиональной фундаментальной и прикладной науки.

Наконец, необходимо, учитывая эффективный китайский опыт, а также практику европейских стран, осуществленную в 60-70-е годы, реализовать систему создания новых производств на базе неолигархического капитала путем расширения прав и усиления защиты интересов собственников малого и среднего бизнеса, их собственности (в т.ч. – интеллектуальной), их инвестиций, что позволит в конечном счете сформировать реальный, а не «из-под палки», спрос на постоянную модернизацию и инновации.

Очевидно, реализация подобной экономической модели, соответствующей динамике движения к партнерской модели общественного устройства, требует модернизации не только промышленной, инфраструктурной и др.; простая технологическая модернизация неэффективна и останется лозунгом без модернизации экономической модели, которая, в свою очередь, не модернизируема в необходимый вариант без модернизации соответствующих общественных институтов. Необходимо изменение принципов государственного управления, механизмов реализации институтов собственности и др. Важнейший шаг – создание независимого правосудия, без которого не будет подлинной реформы правоохранения, а, следовательно, – хорошего инвестиционного

сказать, с момента как только люди стали друг друга узнавать, осознавать окружающий мир.

С этого момента общество уже появилось: два человека, неважно, десять, стадо полуобезьян-полулюдей и так далее. Но если они осознавали какие-то вещи – это уже было общество. Потому что это сообщество – это был определенный социум. Почему? Потому что – как система состоит из элементов, так и общество состоит из индивидов. Индивиды – это нечто в этой системе, имеющее свои собственные интересы. Интересы выражаются в последующем, когда они осознаются, хорошо понимаются и формулируются, через определенный тип желаний – это называется «потребности». В рамках каких-то интересов возникает потребность в том, в том и в том: интерес жить, выжить, интерес жить лучше, значит, потребность, к примеру, есть или, там, одеваться лучше, больше и так далее – такая цепочка рассуждений.

Отсюда появляются цели удовлетворения потребностей как обобщенные цели, я бы так сказал – сублимированные в целях интересы. Когда мы говорим об обществе, мы понимаем, что там есть индивиды, у которых есть между собой некие отношения. Они, эти отношения, – связи в системе, можно сказать, да, они выражаются через взаимодействие интересов. У одного один интерес, у другого – другой, у третьего – третий. И надо понимать, что если я эту кость отберу, то другой, условно говоря, человек будет голодать. Он может взять палку и дать мне по голове, и это тоже надо понимать, что будет взаимодействие интересов вплоть до каких-то действий.

Значит, пока общество могло по «понятиям», по осознанию чужих интересов урегулировать между собой эти отношения, оно, не имея специальных институтов для такого регулирования, тем не менее, существовало как общество. А никакого государства или политического института регулирования не было. Но когда система развилась до определенного состояния, когда появилось большое количество участников системы, когда появились межсистемные взаимодействия – это система одних людей, других людей, третьих, суперсистема, сверхсистема образуется и так далее, – система изменилась качественно. Возникают интересы групп, интересы конкретных слоев. Я абстрагируюсь от слова «классы» в последующем, но есть группы интересов.

позволяет по-другому немножко иногда думать. Но методология, построенная на марксистской какой-то базе, присутствует, спору нет. Так что здесь отречься нельзя. «Не отрекаются, любя», что называется, да. Что касается темы – почему эта тема важна? Потому что она, в отличие от предыдущих изысканий, приводит к подтверждению каких-то марксистских, марксовских представлений. Я считаю это важным – для меня К. Маркс остается, без пафоса, мыслителем высочайшего уровня. Здесь у Энгельса все понятно: происхождение семьи и так далее и тому подобное, у самого Маркса таких вещей, таких подробных «разборок» с государством нет. По крайней мере я, может быть, не настолько глубокий исследователь Маркса, но все, что прочитал, удалось прочитать – там такого детального не нашел. И у меня сложилось впечатление, что либо он умышленно это сделал, либо он умышленно это не сделал, либо – руки не дошли, так? Но мне кажется, что это может быть, потому, что это – тема, которая предполагает многие варианты развития этого института, государства. Почему? Потому что это – самый сложный институт, который выработало человечество для регулирования своих отношений. С этого я и хотел бы начать. Почему меня здесь (и иже с ним) тезис ленинизма о том, что государство возьмет да и отомрет, не удовлетворяет в полной мере? Здесь есть вопрос, в этом есть сложность.

Знаете, когда доказываешь другим способом теорему, как математик, и приходишь к тому же результату, ты понимаешь, что это – истина. Потому что – да, и способ другой, и метод правильный твой, доказательный, и предыдущий, который тоже ничего, и результат такой-то. В этом плане меня радовало всегда то, что я близко подхожу к тому, что есть у других людей, которые то же самое исследовали, хотя – по-другому смотрели, в другое время, с другими посылами и так далее и тому подобное, но, тем не менее, получали сходный, аналогичный результат. Это значит, что я, наверное, прав, так?

Здесь, поскольку не нашел ничего, кроме того, что потом уже после Маркса люди написали, я задумался. И поскольку у меня не получается впрямую, я понял, что тема очень сложная.

Я бы начал с чего? Начал – с общества. Если следовать методологии Маркса, в исторической части, исследуя с исторической точки зрения, то понятно, что общество существовало, можно

климата, реального перехода российской экономики на инновационный путь развития, что является одной из парадигм ее модернизации.

Возможно, стоит еще раз подчеркнуть также, что в качестве важных элементов перенастройки общественных институтов следует считать повышение эффективности бюджетных расходов, борьбу с коррупцией, отказ от репрессивного экономического законодательства.

Справедливости ради стоит отметить, что отдельные усилия в этом направлении государством предпринимаются, однако, опять же справедливости ради, можно с уверенностью сказать, что эффективность этих усилий пока крайне недостаточна для достижения объявленных целей модернизации экономики России.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

**Механизм формирования государственной политики
реиндустриализации экономики***

Для достижения реальной модернизации экономики необходима комплексная, системная реиндустриализация не только отдельных критических или прорывных отраслей, но и всей технологической базы и технологического уклада российской экономики в четкой связке с ее институциональным аспектом. Никакой значительной, устойчивой и имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, если не изменим подходы к дальнейшему формированию основных базовых институций нашего общества. В свою очередь, модернизация институциональная очень сильно зависит от общей концепции и модели развития общества [1].

Переход к новой модели экономического роста означает переход от экономического роста, опирающегося на конъюнктуру мировых цен на энергосырьевые товары, к экономическому росту за счет повышения эффективности использования имеющихся ресурсов. Материальным условием такого перехода является модернизация технологической базы экономики, позволяющая завершить становление пятого технологического уклада с одновременным занятием ниш в шестом технологическом укладе, с необходимостью создания условий для массового использования инноваций, модернизации отраслевой структуры экономики, внедрения элементов инновационной экономики, целенаправленных

* Опубликовано в журнале «Стратегия развития и экономическая политика / Научный альманах Экономического совета при Губернаторе Санкт-Петербурга. Выпуск 3. – 2014. – С. 27-37.

АВБ. Да, и накануне, как ни странно, прихода к власти и необходимости создания государства. Но, я так понимаю, речь пойдет не о Ленине, скорее всего, а о чем-то другом?

СДБ. В том числе – и о Ленине. Конечно, непосредственно о Ленине, наверное, не очень пойдет. Но если вспомнить ту ситуацию – революционную ситуацию! – и сравнить ее с нынешней, тоже революционной (в смысле НТР), то нам придется, как и Ленину в свое время, определяться с ролью государства в нынешней революции.

АВБ. Тогда замысел был другой...

СДБ. В чем-то – да, в чем-то – нет. Я почему подумал о том, что пора поговорить об этой теме? Она наиболее сложная из всего, что на сегодняшний момент мною надумано. Почему? Потому что, если внимательно посмотреть, в большинстве своих изысканий я так или иначе пользуюсь политэкономическим, можно сказать – в какой-то мере, подходом. Я говорю в какой-то мере, поскольку я не очень принимаю тезис о классовой борьбе как двигателе истории, хотя это...

АВБ. ...это уже больше политэкономизм, чем политэкономия. Поэтому Вы совершенно справедливо делаете эту оговорку. И плюс, извините, я добавлю просто – у вас методология и язык включают и классический институционализм, и ряд других направлений.

СДБ. Знаете, я изучал в свое время и марксизм, и философию, классиков, и политэкономия, и научный коммунизм, и маркетинг, да, а впоследствии читал все подряд, получил некое более полное, но и «смешанное» представление...

АВБ. И на примерах Гэлбрейта-младшего, работая с ним в диалоге.

СДБ. Да и Гэлбрейта-старшего, и Кейнса, и многих других. Поэтому – некое «смешанное» представление какое-то...

АВБ. Скорее – интеграция.

СДБ. Плюс – я еще годами детально изучал индустриальное развитие, а еще – матфак между делом закончил, кибернетику. Да и работал весьма длительное время и в финансовом секторе, и, в особенности, в реальном секторе, в разных высокотехнологичных индустриальных отраслях. И в систему госуправления, на приличном довольно уровне, дважды сходил... В результате в голове получилась такая, не буду эпитетов давать, определенная каша, которая

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

А.В. Бузгалин,
руководитель Центра социэкономии кафедры
политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте,
заслуженный деятель высшего образования РФ,
д.э.н., профессор

Государство и революция

(Стенограмма коллоквиума 02.10.2018)

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, 28 сентября т. г. в Санкт-Петербурге состоялся семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, который был посвящен исследованию роли финансового капитала в развитии общества. Естественно, речь не могла не пойти о государстве, но зашла она в очень конкретном тогда аспекте. Вы поставили совершенно неожиданную проблему – соотношение «государства» и «революции». Причем – в понимании еще более неожиданном и меня сильно удивившем. Давайте я не буду предвосхищать Ваших слов. Почему государство? Почему революция? И как это связано? Или, может быть, вообще никак не связано? Аллюзия такая со знаменитой маленькой работой Ленина, которую он написал в шалаше...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Маленькая, но важная и известная. Написанная под Питером, в Разливе.

АВБ. В Разливе, да, совершенно верно.

СДБ. В отместку, так сказать, на нападки.

АВБ. От всех...

СДБ. Всех товарищей, начиная от Каутского и заканчивая...

и значительных эффективных инвестиций в человеческий и социальный капитал и т. д.

Императивом модернизации экономики, перехода к новой экономической модели является модернизация социально-политических институтов [2]. Необходимо изменение принципов государственного управления, механизмов реализации институтов собственности и др. Важнейший шаг – отказ от репрессивного экономического и уголовного законодательства, создание независимого правосудия, без которого не будет подлинной реформы правоохранения, а, следовательно, благоприятного инвестиционного климата, реального *перехода российской экономики на инновационный путь развития, что является одной из парадигм ее модернизации [3].*

Модель взаимоотношений государства и экономики, исходя из известного принципа: рынок – насколько возможно, плюс планирование – насколько необходимо, вполне соответствует пониманию развития общества как *конвергентного* (по определению известного российского экономиста прошлого века Питирима Сорокина), с элементами макроэкономического планирования и социальной защиты населения, представляющего собой биполярную систему, в которой находятся в равновесии два противоположных начала – плановое и рыночное, с максимальным учетом наших национальных особенностей. Модель взаимоотношений государства и общества строится при этом на принципах частно-государственного партнерства.

Из множества факторов, влияющих на проведение реиндустриализации, можно выделить десять основных условий, необходимых для ее успеха:

- выбор модели общественного развития;
- увеличение расходов на исследования и разработки и повышение роли науки;
- приоритетный рост инвестиций в высокотехнологичные отрасли;
- развитие отечественного станкостроения;
- реструктуризация импорта;
- интеграция и кооперация отечественного бизнеса;

- устранение региональных диспропорций индустриального развития;
- инвестиции в человеческий капитал и кадровая политика;
- мотивация и рынок интеллектуальной собственности;
- макроэкономическая политика, в т.ч. минимизация рисков в создании национальной платежной системы.

Согласно данным исследования GE «Глобальный инновационный барометр-2012», результаты опроса позволяют выявить факторы, которые, по мнению российских руководителей, могли бы помочь их компаниям в более успешном внедрении инноваций.

Среди 3 наиболее важных факторов, которые могли бы способствовать достижению успеха в инновационной деятельности, 64% российских руководителей отмечают наличие сотрудников, умеющих креативно мыслить и находить нестандартные решения (56% в среднем по 22 странам; 54% в среднем по странам БРИК); 42% выделяют наличие сотрудников с более высоким уровнем технической подготовки (49% в среднем по 22 странам; 51% в среднем по странам БРИК);

- 46% отмечают снижение бюрократических барьеров для доступа к бюджетному финансированию инновационной деятельности (25% в среднем по 22 странам; 33% в среднем по странам БРИК);

- 29% указывают на увеличение объемов государственной поддержки инновационной деятельности (34% в среднем по 22 странам; 37% в среднем по странам БРИК).

К достаточно значимым факторам можно отнести следующие:

- партнерство с образовательными учреждениями и исследовательскими лабораториями при разработке продукта (25% в России; 28% в среднем по 22 странам);

- доступ к привлечению частных инвестиций на долгосрочной основе (24% в России; 29% в среднем).

Среди наименее значимых факторов можно перечислить:

- наличие партнеров, готовых идти на риск (15% в России; 17% в среднем) а также оказать поддержку в коммерциализации продукта (9% в России; 22% в среднем);

12. Плотников В.А. Инновационная активность российских промышленных предприятий как фактор экономической безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Выпуск 23/1. С. 5-10.

13. Осипенко А.С. Технологический трансфер в системе обеспечения инновационного развития промышленности // Экономическое возрождение России. 2014. № 1 (39). С. 83-88.

достижения требуется не только тщательное научное обоснование, но и энергичная реализация современной промышленной политики.

Литература

1. Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики в условиях ВТО // Экономическое возрождение России. 2012. № 3 (33). С. 47-52.
2. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19-49.
3. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация. Круглый стол в Вольном экономическом обществе России // Мир новой экономики. 2014. № 1. С. 11-26.
4. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 446 с.
5. Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kleiner.ru/skrepk/strategplan-2008.pdf>.
6. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 10-12.
7. Радаев В.В., Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995.
8. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. М., 2005.
9. Иноземцев В.Л. Modernizatsya.ru: Made in Russia // Ведомости. 12.07.2010.
10. Коловангин П.М. Государственное творчество графа С.Ю. Витте – полезный опыт модернизации России // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 37-43.
11. Бодрунов С.Д. Индустриальный потенциал России: уроки С.Ю. Витте // Экономическое возрождение России. 2014. № 4. С. 5-10.

– уверенность в защите авторских прав от возможных нарушений (7% в России, 16% в среднем).

Иными словами, по данным этого глобального опроса, даже с поправкой на отсутствие среди респондентов руководителей среднего бизнеса, абсолютное большинство опрошенных из 200 лидеров российского бизнеса ориентировано только на государственные деньги и на собственные кадры, в т.ч. в партнерстве с российскими вузами (в расчете на участие в госпрограммах, где такое условие обязательно), которые могут помочь эти бюджетные средства получить. При этом более 90% не заинтересованы в участии в партнерстве в рамках инновационной инфраструктуры, создаваемой в т.ч. с участием государства, использовании ее потенциала при трансфере технологий, а также в коммерциализации и защите своей интеллектуальной собственности.

В силу отсутствия стимулов к инновационной деятельности промышленный сектор зачастую не заинтересован в участии в реализации стратегических направлений исследований и разработок. В свою очередь, на фоне слабой инновационной активности бизнеса наука вынуждена ориентироваться на государственный заказ. В последние годы доля участия коммерческих компаний в совместных проектах с научными организациями составляла до 20%. Применение механизмов, объединяющих три стороны участников: государство, науку и бизнес в форме организации технологических платформ и территориальных инновационных кластеров должно исправить отрицательную ситуацию [4].

Ежегодный объем государственных закупок составляет около 6 триллионов рублей. При этом закупки государственного сектора – госкорпораций, естественных монополий, компаний с государственным участием составляют еще 7 триллионов рублей в год. Это колоссальные средства, которые управляются государством. Именно они должны стать механизмом развития рынков и добросовестной конкуренции, модернизации и технологического развития национальной экономики, повышения спроса на высокотехнологичную и инновационную продукцию. За последние десять лет объемы бюджетных ассигнований, выделяемых на науку, увеличились более чем в десять раз - с 46 до 600 млрд. руб. Однако эффективность бюджетного финансирования находится на низком

уровне, так как государство часто не интересуется в полной мере результатами деятельности организаций, получающих бюджетные средства. При этом за этот же период 1,5 млн. высококлассных специалистов уехали из России за границу. Ученые и специалисты не чувствуют отдачи от труда, который они вкладывают в решение тех или иных задач. С другой стороны, главные менеджеры отечественных предприятий не верят в экономику интеллектуальной собственности и, скорее всего, живут текущим днем, быстро осваивая средства, получаемые по госзаказам. В этих условиях, реальное противодействие коррупции в одной из самых коррупциогенных областей освоения бюджетных средств (откаты до 50%) наряду с переходом с 01 января 2014 г. на контрактную систему финансирования позволит изменить как структуру расходов на исследования и разработки, так и их результативность [5].

В современных условиях реализации инновационной стратегии развития России, когда мы занимаем лидирующие позиции в мире по числу ученых и расходам на науку, но при этом до 90% инвестиций направляем на приобретение импортных технологий и оборудования в интересах модернизации отечественной промышленности, формирование и развитие цивилизованного национального рынка интеллектуальной собственности является необходимым и обязательным условием перехода от экспорта сырья и мозгов к экспорту технологий. Интеллектуальная собственность как основа нематериальных активов основных субъектов рынка (предприятий, корпораций, организаций, учреждений и казны) является основным объектом рынка в условиях инновационной экономики наряду с традиционными товарами, работами и услугами [6]. Интеллектуальная собственность при этом, прежде всего в научно-технической сфере, играет важнейшую роль как механизм создания добавочной стоимости, как средство капитализации активов предприятий и организаций и как инвестиционный ресурс.

В современной России ни на отраслевом, ни на корпоративном, ни на региональном уровне экономика интеллектуальной собственности пока не работает. Отдельные положительные примеры формирования и реализации всего комплекса рыночных отношений в сфере интеллектуальной собственности, включая кредитование под залог интеллектуальной

инноваций сделался непрерывным, а непрерывное обновление линеек продуктов и разработка новых технологий – императивом эффективного функционирования производства.

Т.е. перспективное производство приобретает характер «непрерывной инновации»; исследование, поиск, передача, внедрение технологий становятся неотделимыми элементами такой производственной системы, частью производственного процесса. А такой элемент межсубъектных отношений между научными и производственными структурами в рамках индустриальной деятельности, как например, трансфер технологий, просто уже становится обязательным, рутинным элементом производственного процесса [13].

Подводя итог, отметим, что промышленная политика России с течением времени непрерывно менялась, что было обусловлено как сменой взглядов на цели и задачи государственного регулирования экономики, так и изменением базовых институтов национальной государственности. При этом она имела и имеет системогенетическое ядро, обусловленное цивилизационными особенностями нашей страны. В результате, формирование направлений, приоритетов, выбор инструментов промышленной политики требуют тщательной аналитической работы. Простое копирование зарубежного или собственного исторического опыта здесь недопустимо, т.к. может привести к непоправимым последствиям для всей социально-экономической системы Российской Федерации. Требуется анализ и селекция продуктивных идей с последующей их интеграцией в рамках единой, комплексной промышленной политики.

Императивами современного этапа эволюции промышленной политики, которые, по мнению автора, сохранятся и в среднесрочной перспективе, являются акценты на проведение реиндустриализации и импортозамещения. При этом данные аспекты тесно связаны между собой и представляют, по сути, два среза одной и той же проблемы – недостаточного уровня промышленного развития, который порождает технологическую зависимость. Анализ условий современного промышленного развития показал, что стоящие в сфере реиндустриализации и импортозамещения цели вполне достижимы, невзирая на их масштаб и амбициозность. Но для их

производственного менеджмента, логистики, кадровой работы. Изменения должны коснуться всех элементов производственного процесса – и его организации, и его технологической базы, и его продукта, ну и, конечно, характера и качества индустриального труда.

Например, в области изменения характера и форм организации промышленного производства стоит обратить внимание на тенденцию к индивидуализации производства, пробивающую себе дорогу еще с конца XX века, и, соответственно, на организацию работы для индивидуального потребителя. Наиболее значим принцип индивидуализации производства при одновременной его модульности для таких высокотехнологичных сфер, как современное станкостроение, авиастроение (и гражданское, и военное), тяжелое машиностроение и др. При этом такая индивидуализация производства и установление непосредственного контакта производителя с индивидуальным потребителем лежит в русле использования современных информационных и телекоммуникационных технологий.

Наблюдается тенденция перехода к сетевым принципам организации не только бизнеса, но и собственно процесса материального производства. Это позволяет оперативно создавать и изменять конфигурации взаимодействия производителей с субпоставщиками, и вообще – с субконтракторами и аутсорсерами. На этой основе также возможно быстрое приспособление производимого продукта к индивидуальным запросам потребителей, а затем переход к новым продуктам, ориентированным на другого потребителя или пользователя, на другие рынки и т.п. В свою очередь, сетевая организация сама дает толчок все более широкому использованию индивидуализации производства. И эти процессы имеют тенденцию к приобретению лавинообразного характера.

Существует еще огромное количество тех особенностей индустриального производства и динамического их нарастания, которые все более активно входят в нашу жизнь с каждым годом. Но наиболее значительное отличие современного индустриального производства от той стадии его развития, на которой впервые стал широко и успешно применяться комплекс мер активной промышленной политики, заключается в его инновационности, опирающейся на экономику, основанную на знаниях. Сегодня поток

собственности (в области авторских и смежных прав - компания «Система масс-медиа» (входит в многопрофильный холдинг АФК «Система»); в области патентных прав и прав на ноу-хау - ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» имени Ф.Э. Дзержинского) только убеждают в актуальности этого направления с учетом вступления России в ВТО.

В России пока не решен ряд проблем, связанных с формированием и развитием рынка интеллектуальной собственности:

- учет результатов интеллектуальной деятельности ведется только по 3-5 видам из 20 (4 гос. реестра РИД), при этом из них охраноспособные – до 30%, а охраняемые – до 7%; за последние три года по данным официальной статистики на 10 НИОКР при бюджетном финансировании приходится менее 1 результата интеллектуальной деятельности;

- в отношении абсолютного большинства РИД права не закрепляются ни открытым способом – через патентование (20% рынка), ни закрытым – через ноу-хау в режиме коммерческой тайны (70% рынка), т.е. РИД являются информацией, которая с 01 января 2008 г. согласно ст. 128 ГК РФ выведена из объектов гражданского оборота;

- внешняя инновационная активность научных организаций и вузов оценивается по числу публикаций, диссертаций, монографий, семинаров (т.е. объектам авторского права), тогда как внутренний учет ведется преимущественно по объектам патентного права, подлежащим государственной регистрации, но без оценки коммерциализации прав на них;

- при доле бюджетного финансирования расходов на НИОКР более 70%, Роспатент выдает более 40% патентов на изобретения физическим лицам – гражданам России, тогда как среди иностранцев этот показатель в 10 раз меньше (4%, а более 95% – юридические лица), что предопределяется высокими рисками и затратами на изучение рынка и последующую коммерциализацию такой интеллектуальной собственности;

- каждый второй российский патент прекращает свое действие через 1-2 года после выдачи при 20-летнем сроке полезного действия, что ставит под угрозу утрату технологических приоритетов, даже в тех областях, где они есть;

– в целом, доля коммерциализации интеллектуальной собственности, охраняемой патентами, в России по-прежнему ничтожно мала и составляет около 2%. Рынок интеллектуальной собственности в РФ все еще находится в начальной стадии формирования. При этом его структура гипертрофирована в пользу коммерциализации интеллектуальных прав на средства индивидуализации, что больше говорит об активизации рыночных отношений в секторе купли-продажи иностранных товаров, чем об инновационной активности правообладателей исключительных прав в их производстве.

Это ставит под сомнение целесообразность при сохранении прежних подходов дальнейшего проведения дорогостоящих и долгосрочных процедур патентования, в т.ч. при бюджетном софинансировании, охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, которые кроме 3 млрд. рублей ежегодно собираемых Роспатентом в виде патентных пошлин (1/2 уходит на зарплату), никаких очевидных преимуществ и выгод для правообладателей не дают. Более того, в условиях получения патентов ради отчетной статистики на 1-2 года вместо 20 лет коммерциализации, Россия теряет возможности реализовать свои конвенционные приоритеты и технологические преимущества, уступая практически бесплатно эти права иностранцам. Такая политика не может отвечать заявленным национальным приоритетам и национальным интересам России. Устранение этих дисбалансов возможно через формирование и развитие цивилизованного рынка интеллектуальной собственности.

Представляется, что на базе такой идеологии можно реализовать модернизационные задачи, стоящие сегодня перед Россией.

Отдельные усилия в этих направлениях государством уже предпринимаются, однако их эффективность пока недостаточна для достижения целей модернизации экономики России. Тем не менее, активизация деятельности в этой сфере и общества, и государства вселяет надежду на то, что нас ждет благополучное «модернизированное» будущее.

С целью обеспечения единства действующих механизмов государственного управления в сфере реиндустриализации как основы модернизации экономики и базового условия инновационного развития России целесообразно обеспечить

основных отраслях мы не наблюдаем ни резкого прорыва, ни даже значительного прогресса, не говоря уже о технологической революции. Количество ежегодно разрабатываемых в стране новых технологий остается приблизительно на одном уровне (2012 г. – 1323, 2013 г. – 1429, 2014 г. – 1409 новых технологий).

С сожалением приходится констатировать, что в целом в настоящее время инновационная деятельность в России характеризуется довольно низкой инновационной активностью предприятий при значительном научно-техническом потенциале [12]. Требуется принятие энергичных мер по мобилизации этого потенциала. Инновационная активность предприятий не только остается невысокой, но и практически не меняется на протяжении последних лет. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации, составляет менее 10%. Причина такого положения – отсутствие действенных механизмов трансформации этого потенциала в реальные, востребованные экономикой и, в частности, промышленностью, результаты. Следовательно, требуется активное развитие институтов национальной инновационной системы.

Что даст следование этим приоритетам? Их учет в промышленной политике позволит достичь того, что изменения в промышленном производстве будут носить системный и целостный, взаимосвязанный характер. В итоге создаются предпосылки для того, чтобы решить задачу создания новой индустриальной системы, соответствующей передовому рубежу науки и техники XXI века. Новыми должны стать, во-первых, содержание технологических процессов; во-вторых, структура отраслей и размещение производств; в-третьих, внутренняя структура и типы кооперации производств и их интеграции с наукой и образованием; наконец, четвертое – и это едва ли не самое главное – экономические отношения и институты, обеспечивающие прогресс такого, принципиально нового, материального производства.

Поэтому нам нельзя ограничиться только освоением технологий изготовления продукции, отвечающей современным требованиям. На новом фундаменте должны выстроиться все упомянутые выше элементы производственного процесса и сопряженные с ним. Необходимо распространить новые стандарты управления качеством продукции, новые стандарты

не смогут отвоевать конкурентные позиции не только на мировом, но и на собственном внутреннем рынке. Это должно стать одной из доминант промышленной политики.

Итак, если мы хотим устойчиво развиваться, сохранить свои позиции как мировой державы, обеспечить национальную безопасность, нам предстоит достаточно жесткая и бескомпромиссная борьба. Очевидно, что в будущем мире конкурентоспособны будут те экономики, которые сумеют занять лидирующие позиции в сфере развития и применения высоких технологий и обеспечить качество человеческого капитала, способного их реализовать.

И наши лидеры это, конечно, осознают. Еще в 2012 году в предвыборных статьях Президентом РФ В.В. Путиным была сформулирована необходимость ориентации на технологическое лидерство России как важное условие выхода из сложившейся ситуации. Экспертами разных уровней сегодня признается, что технологическая модернизация производства является основным фактором обеспечения конкурентоспособности России. Но для достижения технологического лидерства России необходимо провести глобальное обновление производственных мощностей, внедрение новых технологий и инновационных идей, что требует восстановления в правах на новой основе идеи интеграции производства с наукой и образованием.

Проведенные исследования позволяют обозначить приоритетные направления промышленной политики, ориентированной на проведение инновационной модернизации и реиндустриализации России. В первую очередь, необходимо решить проблему износа производственных мощностей и основных фондов, которая становится острее с каждым годом. Так, согласно данным Росстата, на конец 2013 года степень износа основных фондов предприятий составляла от 40 до 60% в разных отраслях промышленности. Доля полностью изношенных основных фондов в коммерческих организациях РФ составляла на конец 2013 года 14,6% (в обрабатывающих производствах – 13,3%, где этот показатель стабилен с 2007 года).

Далее, необходимо не только обновление основных фондов, но и повсеместное внедрение новых технологий. Разработка новых передовых технологий ведется у нас на регулярной основе. Однако в

следующий *алгоритм* при формировании и реализации государственной политики в этой сфере [7]:

1. **Государственные научно-технические приоритеты** и перечень критических технологий (утверждаемые Указами Президента Российской Федерации) формируются в соответствии с современными тенденциями мирового прогресса и потребностями национального рынка на основе анализа и обобщения предложений, формируемых российскими технологическими платформами. Необходимо привести в соответствие единой классификации все действующие национальные перечни научно-технологических и инновационных приоритетов, утвержденные указами Президента Российской Федерации, решениями Правительства Российской Федерации, заданные в рамках федеральных и государственных целевых программ, систем классификации технологических платформ и региональных инновационных кластеров. Должна быть проведена кодификация системы научно-технологических приоритетов, которая обеспечит единый терминологический профиль научно-технологической деятельности.

В привязке к приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ от 07.07.2011 N 899, в качестве «локомотива» реиндустриализации должны выступить отрасли науки и промышленности, которые позволят совершить технологический прорыв и производство конкурентоспособной высокотехнологичной наукоемкой продукции, преимущественно на основе отечественных технологий:

- информационно-телекоммуникационных технологии (информационно-телекоммуникационные системы);
- биотехнологии (науки о жизни и рациональное природопользование);
- нанотехнологии (индустрия наносистем);
- технологии энергетики и энергосбережения (энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика);
- транспортные и космические технологии (транспортные и космические системы);
- технологии военного и двойного назначения при модернизации оборонно-промышленного комплекса (перспективные виды вооружения, военной и специальной техники).

Целесообразно рассмотреть на заседании Госсовета при Президенте России и Совете безопасности Российской Федерации проблемы, связанные с разбалансированностью стратегирования инновационного развития и реиндустриализации, как на отраслевом, так и на региональном уровнях, и причины сложившейся ситуации, а также пути их преодоления в привязке к шести приоритетным отраслям промышленности, десяти базовым условиям и четырем «приводным ремням» проведения реиндустриализации.

2. Технологические платформы формируются в соответствии с государственными приоритетами направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и критическими технологиями Российской Федерации, утверждаемыми Президентом Российской Федерации. ТП служат основой для формирования отраслевых приоритетов в части планирования реализации отечественной научно-технической политики, опираясь на мировые технологические тренды и состояние российского рынка. Такой подход задан Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 596 (пункт 2, подпункт «д», абзац 2), которым Правительству Российской Федерации поручено предусмотреть увязку государственных программ с формируемыми приоритетными технологическими платформами.

С целью интеграции в единый работающий комплекс механизмов включить в органы управления всех технологических платформ основные институты развития РФ: Российская венчурная компания; Фонд инфраструктурных и образовательных программ ОАО «Роснано»; Российский фонд технологического развития; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере; Российский фонд Фундаментальных Исследований, а также Корпорация интеллектуальной собственности РНИИС.

3. Региональные инновационные кластеры должны стать территориальной проекцией общегосударственных приоритетов социально-экономического развития, позиционируемыми как региональные сегменты соответствующих профилю деятельности технологических платформ, обеспечивающими при этом научно-инновационную деятельность в определенных государством приоритетных областях науки и знаний с учетом минимизации

стимулы к модернизации промышленности, весьма невелик уровень инновационного спроса – в том числе и в тех отраслях, которым не оказывалась протекционистская поддержка и которым не приходится сетовать на отсутствие конкурентной среды. Напротив, ряд отраслей испытывал сильное конкурентное давление, но это не стало поводом к их модернизации, а привело лишь к их разрушению под давлением конкуренции.

В итоге, главная задача, которую предстоит решать, заключается не просто в некотором улучшении положения индустриальных отраслей по близким к классическим рецептам – за счет совершенствования конкурентной среды, улучшении менеджмента, привлечения зарубежных инвестиций и технологий и др. Глубина деиндустриализации и ее инерция в России сейчас такова, что одним только действием механизмов конкуренции, если даже удастся в короткие сроки обеспечить эффективную эволюцию российских институтов конкурентной рыночной экономики, не обойтись. Без активной промышленной политики, направленной на реиндустриализацию, ориентированную на рост в первую очередь собственного высокотехнологичного ядра экономики, без структурной (в этом смысле) перестройки экономики, существенных перемен в России не будет.

Еще одна грань сложившейся ситуации, определяющая положение российской промышленности, что должно быть учтено в промышленной политике – это высокий уровень технологической зависимости отечественных предприятий от иностранных технологий. Отметим, что ориентация на ввоз высоких технологий из-за рубежа была «ахиллесовой пятой» советской экономики. Достаточно упомянуть те же автомобильные заводы – «АвтоВАЗ», «ГАЗ» и др. Экономика России, утратившая большую часть позиций, имевшихся в высокотехнологичных отраслях в советский период, находится в еще более зависимом положении.

Реиндустриализация требует интенсификации трансграничного технологического трансфера. Но экономические санкции либо существенно ограничивают его, либо делают попросту невозможным. Сегодня без активизации инновационного процесса внутри страны, опирающегося на тесную интеграцию образования, науки и производства, Россия продолжит оставаться в глубокой технологической зависимости, а отечественные производители

объединять частные и государственные ресурсы. В-третьих, эти программы должны иметь мощное идеологическое и политическое обеспечение, создающее дополнительную мотивацию для их реализации за счет формирования в обществе и профессиональном сообществе установки на необходимость реиндустриализации.

К сожалению, либеральные рыночные реформы, проводившиеся в России с 1990-х гг., «отодвинули» тему промышленной политики на второй и даже третий план. Сам термин «промышленная политика» практически исчез из делового оборота и официального лексикона чиновников. Итогом реализации такого подхода к государственному регулированию национальной экономики явилось разрушение промышленного потенциала, массовое закрытие и перепрофилирование предприятий, сворачивание подготовки кадров для промышленности, фактический развал отраслевой науки и другие негативные последствия, достаточно хорошо известные, любому специалисту. Поэтому мы не будем на них останавливаться подробно. В рамках данной статьи нас больше интересует вопрос возрождения российской промышленности, в том числе с учетом нового вызова – необходимости импортозамещения.

Конечно, нельзя сказать, что экономическая политика в России вовсе игнорировала проблему низкой конкурентоспособности отечественной промышленности и растущего давления импорта на внутренний рынок. Усилия по обеспечению импортозамещения стали предприниматься задолго до нынешнего обострения экономической ситуации. Характерным примером здесь является производство автомобилей. Первоначально государство пыталось защитить отечественную автомобильную промышленность путем высоких таможенных пошлин на импортные автомобили. Государственный протекционизм при этом строился неэффективно, не создавая стимулов для модернизации производства. То есть, как таковая промышленная политика не проводилась, регулирование автомобильной промышленности пытались осуществлять путем создания «тепличных» условий для ее функционирования, но – отметим это особо – не развития.

Здесь мы, однако, должны подчеркнуть, что это – не более чем один из аспектов более общей проблемы: в российской экономике вообще с самого начала реформ были крайне низки

рисков в сфере интеллектуальной собственности и максимальной реализации ее экономических функций.

Необходимо внесение изменений в действующий Порядок формирования перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров, в части привязки вновь формируемых кластеров к интересам действующих технологических платформ, а также включить необходимость получения экспертного заключения органа управления профильной технологической платформы на проект рассматриваемой программы развития инновационного территориального кластера с учетом минимизации рисков в сфере интеллектуальной собственности. Критерии оценки результативности реализации программ развития региональных инновационных кластеров и в целом эффективности работы региональных органов власти должны быть дополнены показателями, характеризующими степень развития рынка интеллектуальной собственности на данной территории в экономике региона.

4. *В рамках ФКС* структура целей и задач федеральных целевых программ и государственных программ по разделам НИОКР и инвестиционным предложениям должна выстраиваться в соответствии с государственными приоритетами научно-технологической политики и перечнем критических технологий на основе тематик постановки конкурсных лотов, отобранных по результатам внесенных технологическими платформами предложений с учетом минимизации рисков в сфере интеллектуальной собственности.

При переходе к федеральной контрактной системе в качестве одного из основных (обязательных) процессуальных действий должна быть закреплена процедура оформления результатов научно-технической деятельности (РНДТ) по требованиям международного права интеллектуальной собственности. При этом права на объекты интеллектуальной деятельности должны передаваться, как правило, в управление субъектов рыночных отношений, что обеспечит возможность их дальнейшей коммерциализации. Передача прав на результаты интеллектуальной деятельности государству должна предусматриваться в исключительных случаях (например, в случае выполнения оборонных заказов, получения РИД, содержащих информацию, охраняемую в режиме государственной тайны) [8].

Необходимо совершенствование порядка выделения бюджетных средств на НИОКР с участием реального сектора экономики и снижение уровня коррупции в этой сфере. Целесообразно в ежегодных государственных докладах о противодействии коррупции предусматривать наличие такого раздела.

5. *Программы инновационного развития госкомпаний* должны формироваться и реализовываться в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологии и техники, а также перечнем критических технологий Российской Федерации, обеспечивая при этом отраслевые приоритеты, определенные концепциями профильных технологических платформ и тесно взаимодействуя с территориальными сегментами – региональными кластерами с учетом минимизации рисков в сфере интеллектуальной собственности и максимальной реализации ее экономических функций.

6. Для повышения глобальной конкурентоспособности российской экономики, трансформации ее в инновационную экономику через **рынок интеллектуальной собственности**, реализации приоритетов экономического развития на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве, необходима Стратегия развития интеллектуальной собственности и специальная программа формирования и развития рынка интеллектуальной собственности, как составной части мирового рынка интеллектуальной собственности и необходимого базового условия проведения технологической модернизации отечественной промышленности.

При разработке и реализации федеральной целевой программы, отраслевых и региональных целевых программ по созданию национального, отраслевых и региональных рынков интеллектуальной собственности как условие инновационного развития экономики страны, отрасли и региона, предусматривается введение единого правового режима по формированию интеллектуальной собственности как объекта рынка с последующей стандартизацией этих правил, механизмов инновационной мотивации от автора до инвестора через коммерциализацию интеллектуальной собственности,

профессионального образования) и, конечно же, эффективные организационно-экономические механизмы ответственности органов власти и конкретных должностных лиц за результаты реализации промышленной политики.

Новая волна советской индустриализации продолжилась и в период после Великой Отечественной войны. Вплоть до 1980-х гг. в нашей стране уделялось значительное внимание развитию промышленного производства. Промышленность признавалась ведущим сектором экономики, что находило отражение в направленности государственной экономической политики. В связи с ускорением научно-технического прогресса, получил развитие новый вектор промышленной политики, заключающийся в интеграции производства, науки и образования. И этим опытом, по нашему мнению, не следует пренебрегать. Советскому Союзу удавались масштабные высокотехнологичные проекты. При этом они не являлись «единичными», они вызывали активное кластерообразование вокруг новых промышленных производств – производств вспомогательных, организаций научно-исследовательской и образовательной сферы, территориальное развитие страны, повышение уровня общей и технической культуры и т.д. Итогом реализации подобных проектов (атомный, космический, создание и производство ЭВМ и др.) было ускорение социально-экономического развития, мировое лидерство нашей страны в соответствующих областях, рост устойчивости всей социально-экономической системы, снижение рисков ее развития.

Обобщая советский опыт, с учетом современных реалий, можно отметить следующие моменты, которые могут быть востребованы при проведении курса на реиндустриализацию, разработке и реализации мероприятий современной промышленной политики. Во-первых, и сегодня имеется необходимость развития крупных многопрофильных структур, организационно интегрирующих науку, образование и высокотехнологичное производство на сетевой основе. При этом важно учитывать рыночные стимулы и мотивы их создания и функционирования. Во-вторых, для развития таких структур необходимы масштабные долгосрочные государственные программы. При этом они, в отличие от советских директивных планов, должны быть индикативными, т.е. базироваться на системе гибких косвенных стимулов,

для развития промышленности. Конечно, состав необходимой для успешной индустриальной деятельности инфраструктуры сегодня существенно расширился. Современным промышленным предприятиям необходима инжиниринговая поддержка, развитые транспортные коммуникации, системы связи, жилищно-бытовая инфраструктура для работников и т.д. Тем не менее, идея определяющей роли инфраструктурного обеспечения для стимулирования промышленного роста и сегодня справедлива при реализации экономической политики.

Реализация плана ГОЭЛРО запустила широкомасштабную индустриализацию в стране. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом увеличилась почти в 7 раз, с 2 до 13,5 млрд. кВт-ч. В результате произошел существенный рост выпуска промышленной продукции. Промышленное развитие осуществлялось в рамках пятилетних планов, выполнение которых достаточно жестко администрировалось. В итоге, к 1940 г. в стране было построено около 9 тысяч новых заводов (если сравнить эти масштабы с темпами промышленного развития в постсоветский период, аналогичный по длительности, то вывод о неэффективности современной промышленной политики становится очевидным). К концу второй пятилетки по объему выпуска промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США. Были решены проблемы, остро стоящие перед современной Россией, связанные с обретением экономического и технологического суверенитета: существенно ослабла зависимость страны от импорта, был налажен выпуск отечественных машин широкой номенклатуры, химических продуктов, в том числе синтетического каучука, высококачественных сортов стали и др.

Конечно, достигнуты эти результаты были в рамках иной, чем сегодня, экономической модели. Мобилизационная советская экономика позволяла сконцентрировать ресурсы на ключевых направлениях промышленного развития, что вряд ли возможно в таких же масштабах сегодня. Тем не менее, многое из этого опыта может быть востребовано и в современной промышленной политике. Это, прежде всего, непротиворечивость целеполагания и четкое выделение приоритетов, комплексный подход к развитию, опора на национальную промышленную базу (а значит высокоразвитую отраслевую и фундаментальную науку, высокий уровень общего и

специализированных подразделений в инновационной инфраструктуре и специально подготовленных ответственных должностных лиц в инновационных ведомствах.

В качестве основных индикативных показателей выступают:

- доля охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, полученных в общем объеме НИОКР;
- использование интеллектуальной собственности в хозяйственной деятельности организации/ предприятия;
- количество заключенных лицензионных договоров и договоров уступки/отчуждения на внутреннем рынке;
- количество лицензий, проданных за рубеж; количество лицензий, приобретенных из-за рубежа;
- доля договоров коммерческого использования интеллектуальной собственности к ее общему объему;
- доля нематериальных активов от всех активов предприятий и организаций инновационного сектора;
- доля интеллектуальной собственности в структуре цены инновационной продукции;
- доля контрафактной продукции, реализуемой на внутреннем рынке, в т. ч. из-за рубежа;
- обеспечение квалифицированными кадрами в области интеллектуальной собственности (на 1000 исследователей).

При этом важно применять правило, которое условно можно назвать «**Правило 10**», включающее следующие условия успеха в развитии рынка интеллектуальной собственности:

- не менее 10% затрат на НИОКР – на закрепление прав на охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности;
- не менее 10% - доля интеллектуальной собственности в структуре цены инновационной продукции;
- не менее 10% от числа исследователей - доля специалистов – посредников между продавцами и покупателями на рынке интеллектуальной собственности;
- не менее 10% - доля интеллектуальной собственности как основа нематериальных активов в активах предприятия;
- не менее 10% - доля интеллектуальной собственности в ВВП.

7. В рамках совершенствования **инновационной инфраструктуры** и для подготовки и принятия грамотных управленческих решений в инновационной сфере необходимо создание четырех баз данных (БД) в каждой отрасли промышленности и каждом регионе:

– БД результатов интеллектуальной деятельности (РИД) учреждений, образования и науки, предприятий, казны отрасли/региона с учетом проведенных экспертиз по критериям коммерциализации РИД – для последующего формирования нематериальных активов и объекта отраслевого/регионального рынка интеллектуальной собственности;

– БД запросов на инновационные технологии предприятий отрасли/региона – для уточнения тематики НИОКР с учетом интересов модернизации бизнеса;

– БД технологических площадок для создания малых инновационных предприятий – для минимизации затрат при проведении ОКР;

– БД специалистов инновационного цикла – для формирования отраслевого / регионального заказа на подготовку кадров.

В интересах формирования рынка интеллектуальной собственности важно активнее использовать потенциал *развития системы мониторинга*, для чего целесообразно предусмотреть:

– разработку и внедрение единых критериев и индикаторов показателей формирования и управления интеллектуальной собственностью при оценке инновационной активности и эффективности экономики вузов, научных центров, предприятий, организаций, федеральной казны, государственной казны субъектов Российской Федерации и муниципальной казны муниципальных образований;

– разработку методик государственного аудита в сфере интеллектуальной собственности и инноваций и обучение этим методикам сотрудников контрольно-счетных органов РФ и субъектов РФ;

– разработку, принятие и повсеместное применение стандартов формирования, управления и защиты интеллектуальной собственности на корпоративном, региональном и отраслевом уровнях;

нового экономического курса сегодня – не просто развитие промышленности, но реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий, что усложняет процессы государственного регулирования.

Вторая волна индустриального развития связана с советским периодом нашей истории. К началу 20 века, несмотря на бурный рост промышленности, Российская империя всё же являлась аграрной страной. Затем, после возникновения СССР, в период между мировыми войнами, была осуществлена ее ускоренная индустриализация, связанная отчасти с восстановлением разрушенного Первой мировой и Гражданской войнами промышленного потенциала, а также с созданием новых массовых промышленных производств.

Начало советской индустриализации было положено принятием плана ГОЭЛРО, который являлся государственной целевой программой восстановления и комплексного развития отечественной промышленности. В декабре 1920 г. этот план был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов, а через год – утвержден IX Всероссийским съездом Советов. Важно отметить основную идею этого плана: им предусматривалось опережающее развитие электроэнергетики, увязанное с программами регионального развития. Это очень важный момент, который дает сразу два урока для современной политики реиндустриализации:

во-первых, основы кластерного подхода, кластерной политики в развитии экономики «в зародыше» были включены еще в план ГОЭЛРО: по сути дела речь в нем шла именно о комплексном развитии территорий, за счет создания групп технологически взаимосвязанных производств, тесно координирующих свою деятельность. Именно эта идея лежит в основе современной кластерной политики, она реализуется в «очагах» реиндустриализации инновационного типа – особых экономических зонах технико-внедренческого типа. Представляется, что этот опыт востребован и сегодня. Мало того, промышленные кластеры, созданные в годы первых пятилеток, успешно функционируют и сегодня;

во-вторых, не случайно план ГОЭЛРО тесно связан с работами по электрификации. Развитая система электроснабжения является и сегодня важнейшей инфраструктурной предпосылкой

а от условий образования цен на перевозимые товары в пунктах отправления и назначения, формируемых под воздействием спроса и предложения. То есть, по сути, он исповедовал системный подход к индустриальному развитию, о котором мы говорили выше. Индустриальное развитие рассматривалось как системный феномен, достичь успеха в развитии которого можно лишь консолидировав усилия хозяйственных агентов при направляющей роли государства. Для Витте было очевидно, что эффективное функционирование внутреннего рынка без достаточной сети железнодорожных линий невозможно. Железные дороги, связывая экономические районы страны, способствовали рациональному размещению производства и вовлечению в хозяйственный оборот новых ресурсов. Одновременно увеличивался выпуск рельсов, шпал, металлических конструкций для мостов, строились станционные здания и сооружения, рос выпуск паровозов и вагонов и т.д. Таким образом создавался существенный мультипликативный эффект, который способствовал экономическому росту.

Следует отметить, что экономическую политику периода С.Ю. Витте характеризовала комплексность разработки и реализации. Системный взгляд на развитие народного хозяйства предопределил системность инструментов его государственного регулирования. Можно отметить несомненные достижения в деле становления национальной денежной системы, в том числе переход к золотому стандарту, развитие банковского дела, активность в привлечении иностранного капитала и технологий, меры по стимулированию отраслевого и регионального промышленного развития, налоговые реформы, преобразования в аграрном секторе, позже продолженные реформами П.А. Столыпина.

Этот дореволюционный опыт, безусловно, востребован и в современных условиях. Именно комплексности и системности не хватает современной экономической политике России. Разрозненность и нескоординированность действий различных органов власти и управления как на федеральном, так и на региональном уровне создает институциональные барьеры для успешного осуществления мероприятий индустриального развития. При этом указанные проблемы в современных условиях проявляются гораздо острее, чем 150 лет назад, что определяется вектором современного промышленного развития. Главный тренд

– внедрение модели управления интеллектуальной собственностью в системе технопарков и региональных технополисов, особых экономических зон технико-внедренческого и промышленно-производственного типа;

– активизацию работы контрольных и правоохранительных органов по защите прав и интересов государства и снижению уровня коррупции при распределении бюджетных средств на проведение научных исследований, а также обеспечению эффективной государственной защиты правообладателей в области изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и секретов производства (ноу-хау);

– комплексное и повсеместное изучение нового законодательства через семинары и курсы повышения квалификации для правоприменителей, а также развитие правосознания правообладателей и всего гражданского общества;

– мониторинг развития рынка интеллектуальной собственности и проблем формирования инновационной активности в рамках подготовки и обсуждения ежегодного государственного доклада «О состоянии правовой охраны, использования и защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации» с участием федеральных органов власти и негосударственных организаций, и мероприятий ежегодного Международного Форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности».

8. В целях *подготовки кадров* в сфере реиндустриализации, в т.ч. экономики, права и управления интеллектуальной собственности остается актуальным сбор и анализ информации, необходимой для дальнейшего проведения реструктуризации системы образования, ориентированной на развитие научно-исследовательского сектора в высших учебных заведениях, расширение дальнейшего сотрудничества вузов с передовыми компаниями реального сектора экономики, международную интеграцию национальных вузов в области инновационных образовательных программ при подготовке специалистов в сфере экономики, права и управления интеллектуальной собственности, используя накопленный положительный опыт ведущих университетов.

Для этого необходимы:

- мониторинг патентных и преподавательских кадров в сфере интеллектуальной собственности;
- формирование государственного и корпоративных заказов на подготовку (переподготовку) инновационных кадров, в т.ч. по вопросам интеллектуальной собственности с учетом имеющегося опыта подготовки таких специалистов в вузах России;
- единые образовательные стандарты по новой специальности «Интеллектуальная собственность» и по специализациям для юристов – «Право интеллектуальной собственности» и «Информационное право» (в т. ч. внести изменения в принятый ГОС для бакалавров по юриспруденции), для экономистов – «Экономика интеллектуальной собственности», для менеджеров – «Управление интеллектуальной собственностью»; а также предусмотреть введение во всех вузах и для всех специальностей в качестве федерального компонента преподавание дисциплин «Основы интеллектуальной собственности» и «Основы информационного права».

9. Отсутствие в стране четкой *системы управления* в сфере инновационной политики и интеллектуальной собственности ведет к крайне негативным последствиям, в частности к безответственности, дублированию работы различных органов, отсутствию необходимой координации, появлению в законодательстве декларативных норм многочисленных правовых коллизий и т.п. В результате чего связи единого инновационного цикла превращения новых знаний в реальный инновационный продукт остаются разорванными и выше обозначенные узловые вопросы – нерешенными, большинство принимаемых решений не исполняется.

Таким образом, назрела необходимость реализации национального проекта в сфере государственного управления инновационной деятельностью и интеллектуальной собственностью в России, в рамках которого предлагается решить, в том числе следующие первоочередные задачи:

- уточнить сферу ответственности и обеспечить более жесткую координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти по разработке и реализации государственной политики в сфере инноваций и интеллектуальной собственности;

экспорта той или иной страны не сами по себе, а как средство эффективного и массового производства индустриальных благ» [9].

Отметим, что ориентация на реиндустриализацию в экономической политике подразумевает, что ранее уже была успешно осуществлена индустриализация экономики страны. Формирование и развитие промышленной политики в Российской империи происходило с середины XIX века и было связано с развитием капитализма. Но лишь крестьянская реформа 1861 года, когда одновременно произошло массовое высвобождение экономических ресурсов и их вовлечение в хозяйственный оборот, впервые поставила вопрос о необходимости государственного регулирования промышленного развития на системную основу.

Ретроспективный анализ процессов дореволюционного промышленного развития России показывает, что несмотря на имевшиеся достижения в различных областях, системную основу индустриального развития страны во многом определили теоретические работы и реформы С.Ю. Витте [10, 11], 100-летие со дня смерти которого отмечается в этом году. Следует упомянуть и еще об одной дате. В этом году исполняется 250 лет Вольному экономическому обществу России, активным участником которого, кстати, был и С.Ю. Витте, благодаря разработкам участников которого во многом создавалась теоретическая база индустриального развития страны.

Рост промышленности, основанной на машинном производстве, начался в России в последней трети XIX в. Оживленный промышленный рост наблюдался в 80-х гг. XIX в. Это были первые шаги отечественной промышленности, которая в массе своей еще опиралась на мелкие кустарные или полукустарные заведения. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве страны был крайне низким, а разрыв с передовыми индустриальными державами (Англией, Германией, США) – очень серьезным. Обеспечение промышленного роста С.Ю. Витте ставил в прямую зависимость от активизации железнодорожного строительства.

В 1883 г. С.Ю. Витте опубликовал книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». По его мнению, при определении размеров провозной платы по железной дороге следует отталкиваться не от расходов транспортных предприятий,

синтеза. Необходимо рассмотрение социально-экономических перемен на широком историческом фоне как результата соединения и переплетения глобальных тенденций развития, личных прав и свобод, социализации общественной жизни и учета своеобразия цивилизационных типов общественного устройства [8, с. 51]. Поэтому мы должны рассматривать промышленную политику в наложении на своеобразие динамики экономической системы России, как в ретроспективе, так и в среднесрочной перспективе.

При этом промышленная политика должна рассматриваться в более широком контексте цивилизационного развития России. Базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации» (иногда также применяется термин «неоиндустриализация») как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, причем – на основе нового, передового технологического уклада путем решения комплекса тесно связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России.

Может показаться, что наши взгляды расходятся с получившими широкое распространение концепциями постиндустриального общества, идут вразрез с магистральными экономико-теоретическими идеями. Критический взгляд позволяет понять, что «постиндустриализм» вовсе не выступает всеобъемлющей характеристикой мировой экономики, и тем более нельзя «примеривать» его к России. Это признали в конечном итоге даже сами сторонники этого подхода. Так, известный российский исследователь постиндустриального общества В.Л. Иноземцев отмечает: «Современный мир пока еще остается миром индустриальным. На сырье в 2009 г. приходилось 16,1% мирового товарооборота, на услуги – 18,9%. 65% занимали промышленные товары. Среди 20 крупнейших американских экспортеров 15 – индустриальные гиганты и лишь пять – технологические. Технологии – ничто, если только они не могут быть применены в промышленности и, будучи овеществлены в готовой продукции, завоевать мировые рынки. Сегодня технологии меняют облик

– определить во всех министерствах и ведомствах, участвующих в обеспечении инновационного развития, ответственных должностных лиц на уровне заместителей руководителей этих органов власти и подразделения, отвечающие за решение вопросов интеллектуальной собственности;

– провести для указанных руководителей обучающий семинар (не менее 36 часов) по вопросам формирования и развития рынка интеллектуальной собственности как условия инновационного развития.

10. В области **развития правосознания** важно обеспечить регулярное освещение в средствах массовой информации вопросов инновационного развития, нацеленное на повышение инвестиционной привлекательности перспективных высокотехнологичных секторов экономики, содействие притоку наиболее квалифицированных кадров в эти сектора, стимулирование инновационного поведения компаний, учитывая их возможности в сфере международного сотрудничества.

Реализация концепции и принятой на ее основе стратегии нового индустриального развития России (реиндустриализации) позволит провести модернизацию отечественной промышленности и организовать производство конкурентоспособной продукции преимущественно на основе отечественных инновационных технологий. В качестве единой системы «приводных ремней» реализации Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г., выступают технологические платформы и региональные кластеры – механизмы обеспечения баланса отраслевых интересов на национальном и региональном уровнях соответственно; федеральная контрактная система и федеральные целевые программы – механизмы бюджетирования этих процессов, ориентированные на результат; рынок интеллектуальной собственности обеспечивает баланс интересов авторов, вузов, научных центров, предприятий и инвесторов в воспроизводстве инновационных технологий и конкурентоспособной продукции на их основе.

Литература

1. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация – ключевое направление современной экономической политики // Экономическая система России. Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие). М-лы Московского экономического форума (М., 26-27 марта 2014) – М.: Ленанд, 2014. 200 с.
2. Бодрунов, С.Д. Возможности и проблемы реиндустриализации // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Выпуск XVI. Сб. науч. трудов под ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ООО «СПАН», 2012-2013. – С. 59-71.
3. Бодрунов, С.Д. Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации // Сборник материалов Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ на тему «Реиндустриализация: возможности и ограничения». Издание Совета Федерации. Москва, 2013. – С. 14-25.
4. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010, 255 с.
5. Сухарев, О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // Приоритеты России. – №24 (213) – 2013. – С.2-24.
6. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения // Научные труды Вольного экономического общества России, № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, 2014. – С. 15-46.
7. Бодрунов, С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов. – Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172 с.
8. Бодрунов, С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С.Д. Бодрунов. – Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 680 с.

Как по этому поводу пишет Г.Б. Клейнер, «под системой понимается не множество элементов, связанных между собой определенным образом (*эндогенное* определение), а относительно устойчивая в пространстве и во времени целостная часть окружающего мира, выделяемая из него наблюдателем по пространственным или функциональным признакам (*экзогенное* определение)... Системная парадигма, представляющая экономику в виде совокупности взаимодействующих, трансформирующихся и эволюционирующих систем, выступает, таким образом, с одной стороны, как альтернатива неоклассической парадигме с ее делением экономики на макро- и микроэкономику, с другой – как концепция, интегрирующая неоклассический, институциональный и эволюционный подходы» [там же].

Сходный подход можно найти в работах известного венгерского экономиста Я. Корнаи, который также считает, что объект исследования экономиста «является целостной системой, которая взаимодействует с другими системами, в том числе с более крупными, которые ее содержат. Каждая экономическая система при этом представляется как сфера взаимодействия экономики, политики, идеологии, психологии, культуры, и др. областей, поэтому с точки зрения одной из соответствующих дисциплин анализ будет неполным и поверхностным» [6].

Таким образом, для понимания российской экономической системы становится необходимым изучить, с одной стороны, обуславливающие её существование и функционирование материально-технические предпосылки, а с другой – социально-культурную среду, в которой формируется экономическая система. К последним, как показывает не только теория, но и практика экономических реформ в России, относятся идеологические, социально-психологические, политические, этнокультурные и другие её составляющие, часто определяемые как цивилизационная специфика страны. При этом «специфика экономики в России определяется, с одной стороны, ее внешнеисторическими условиями, а с другой – внутренними чертами социально-экономического строя» [7, с. 48].

Следует отметить, что экономическая система динамична. Как подчеркивал академик РАН Л.И. Абалкин, логика современного прогресса может быть описана с точки зрения исторического

международный экономический Конгресс «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики» (СПб., 23.03.2015); Московский Экономический Форум – 2015 (Москва, 25-26.03.2015); II Международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии» (Москва, 13-14.05.2015).

Главный вывод, к которому можно прийти на основе анализа имеющихся данных, касающихся состояния российской экономики: она на протяжении многих лет интенсивно стагнирует. И это во многом вызвано неадекватностью экономической, в частности – промышленной, политики. Автор убежден, что нынешнее состояние российской экономики – в принципиальном плане – является следствием состоявшейся ее глубокой деиндустриализации. Это объективно повышают роль промышленной политики в современной экономической системе, делает ее одним из основных инструментов разрешения накопившихся проблем и противоречий.

Что делать в такой ситуации? Какую модель промышленной политики избрать? Первый ответ, который напрашивается, что называется, «сам собой» – обратиться к опыту развитых стран. Позаимствовать из-за рубежа, «пересадить на российскую почву» эффективные институты. Автор с осторожностью относится к такому подходу. Как показано в работах академика РАН В.М. Полтеровича [4], имплантация институтов далеко не всегда оказывается успешной. Наглядное подтверждение этому – уже обсуждавшееся ранее наследие радикальных реформ 1990-х годов, проведенных с опорой на заимствованную, но так и не заработавшую в России иностранную институциональную базу.

В России сложилась своя собственная, уникальная экономическая система. Ее исследованием длительное время занимается чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнер [5]. Без учета ее характеристик и особенностей, продуктивная экономическая и промышленная политика невозможна. Промышленная политика должна строиться на основе системного подхода. Системный подход, в свою очередь, требует отношения к экономике с точки зрения изучения ее элементов, их внутренних связей и системного качества, причем выделение последнего принципиально важно. Еще важнее рассмотрение экономической системы не как к изолированной и самодовлеющей, а как целостной части более крупной суперсистемы.

С.Д. Бодронов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Промышленная политика России: уроки прошлого,
черты настоящего, дизайн будущего*

Геополитические и геоэкономические вызовы, с которыми сталкивается российская экономика и общество в последние годы, существенно обострили те противоречия, которые были заложены в предшествующие десятилетия экономической эволюции. При этом данные противоречия, по нашему мнению, достигли уровня угрозы национальной безопасности. В результате, сегодня перед экономическим сообществом и политическими властями стоит задача поиска новой модели экономического роста и, можно даже сказать шире, – новой экономической доктрины.

В стране долгое время проводилась экономическая политика, номинально имевшая, в принципе, верные стратегические цели создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития. Однако те средства, которые были выбраны для ее достижения – прежде всего, сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления – вызвали стагнацию нашей экономики, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Двадцатилетняя реализация либерально-монетарной модели развития привела к развалу промышленного производства, снижению устойчивости экономики, драматическому повышению уровня зависимости от иностранных капиталов, технологий, продукции производственно-технического назначения, потребительских товаров.

---

* Опубликовано в сборнике «Труды Вольного экономического общества России. Юбилейное издание». М. ВЭО России. – 2015. – С. 157-178.

Высказанные положения могут быть подтверждены статистическими данными. Не проводя их подробного анализа, отметим, что из-за существенного сокращения отечественного производства, доля импорта, например, в станкостроении и легкой промышленности сегодня превышает 90%, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании – 80%. К сожалению, аналогичная, если не более серьезная, ситуация – в других базовых секторах российской экономики: пищевой промышленности, добывающей промышленности, энергетике, связи, и т.д. Например, мы в 2000 году продовольствия ввезли на 7 млрд долл., а в 2013-м – уже на 43 млрд, т.е. в 6 раз увеличили его импорт за 14 лет. Этот рост достигнут в основном за счет снижения объемов производства собственной продукции. В 2000 году машин, оборудования, транспортных средств мы закупили на 10 млрд долл., а спустя 14 лет – уже на 150 млрд долл., рост – в 15 раз. Т.е. сегодня Россия критически зависима от импорта, даже в тех сферах, которые являются стратегическими для любой страны.

Соответственно изменилась и структура российского экспорта. По данным Всемирного банка, за период с 2003 по 2013 г. доля высокотехнологичной продукции в экспорте российской промышленности сократилась более чем вдвое – с 18,3% до 8,4%, и это падение стало наиболее сильным среди всех развитых и развивающихся стран. Экспортная модель России – это, по-прежнему, модель, ориентированная на экспорт продукции низкой степени переработки (сырья и энергоносителей). Например, доля ведущих восьми нефте- и газодобывающих компаний, по данным Росстата, составляла, на начало 2014 г., более 60% стоимостного объема российского экспорта, а доля экспорта несырьевого сектора сократилась до четверти.

Отдельную проблему, оказывающую негативное влияние на состояние экономики и, в частности, на развитие промышленности, составляет отток капитала из России. Эта проблема усугубилась в 2014 г. – по данным Банка России, отток составил 151,5 млрд долл., почти в 2,5 раза больше, чем в 2013 г. – 61 млрд долл. Это оказало дополнительное давление и на национальную валюту, и на динамику рынков, закрыв для российских компаний и внутренние источники длинных денег (внешние закрылись из-за санкций запада). Резко сократился наш фондовый рынок – намного сильнее, чем рынки всех

стран БРИКС, что является косвенным, но очень важным подтверждением неэффективности действующей модели экономического развития.

Как отмечается в только что вышедшем в свет аналитическом докладе, подготовленном Центром макроэкономического анализа и прогнозирования Института экономики РАН, «основные риски связаны как с проблемами, возникшими еще после кризиса 2008-2009 гг., так и с новыми вызовами. Это – исчерпание прежней модели экономического роста, строящейся на экспорте энергоносителей и растущих ценах на нефть... В современной системе управления экономикой давно назрела необходимость структурных и институциональных преобразований».

Рассмотренная проблематика находится в фокусе научных интересов автора [1, 2, 3 и мн. др.] и возглавляемого им Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР).

Данная статья подготовлена на основе обобщения результатов публичного обсуждения докладов, сделанных автором за последний год на следующих научных мероприятиях: Научный совет МГУ по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития на тему «Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства» (Москва, 05.06.2014); Заседание Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ на тему «Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты» (Москва, 6.06.2014); Семинар в Государственной Думе РФ на тему «Производство, наука, образование: проблемы реинтеграции» (Москва, 10.06.2014); Международный Конгресс «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» (Москва, 22-23.11.2014); Научная конференция «Ломоносовские чтения – 2015» на тему: «Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста: разработки и рекомендации экономистов МГУ» (Москва, 20.01.2015); Парламентские слушания в Совете Федерации ФС РФ на тему: «Реиндустриализация экономики регионов России как базовое условие реализации политики импортозамещения» (Москва, 27.02.2015); Научный семинар ИМЭМО РАН «Современные проблемы развития» (Москва, 16.03.2015); Санкт-Петербургский